«ОДИН ИЗ ЛУЧШИХ РОМАНОВ, ПРОЧИТАННЫХ МНОЮ ЗА МНОГИЕ ГОДЫ».

Стивен Кинг

18+

ДЕВЯТЫЙ ДОМ

ЛИ БАРДУГО

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ № 1

Алекс Стерн

Ли Бардуго

Девятый Дом

«Издательство АСТ»
2019

УДК 821.111-3 (73)
ББК 84(7Сое)-44

Бардуго Л.

Девятый Дом / Л. Бардуго — «Издательство АСТ», 2019 — (Алекс Стерн)

ISBN 978-5-17-121063-2

Алекс Стерн не похожа на других первокурсников Йельского университета. Она выросла на задворках Лос-Анджелеса, рано бросила школу, дружила с плохими парнями и перебивалась случайными заработками. В двадцать лет Алекс выжила в ужасной бойне – и благодаря этой трагедии загадочным образом получила шанс стать студенткой одного из самых престижных университетов мира. Почему она? И в чем тут подвох? В Нью-Хейвене к вопросам, которые терзают Алекс, прибавляются новые. Запрещенная магия, секретные общества, порочная элита Лиги плюща… Что за страшные тайны скрываются в древних, благопристойных стенах Йеля?

УДК 821.111-3 (73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-121063-2

© Бардуго Л., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Пролог 7
1 10
2 22
3 31
4 40
5 49
6 61
Конец ознакомительного фрагмента. 68

Ли Бардуго
Девятый Дом

Посвящается Хедвигу, Ниме, Эму и Лесу, которые столько раз меня спасали.

Leigh Bardugo
NINTH HOUSE

Печатается с разрешения литературных агентств
New Leaf Literary & Media, Inc и Andrew Nurnberg.

Copyright © 2019 by Leigh Bardugo. All rights reserved.

Map art copyright © 2019 by Leigh Bardugo
© Л. Карцивадзе, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Ay una moza y una moza que nonse espanta de la muerte

Porque tiene padre y madre y sus doge hermanos cazados.

Caza de tre tabacades y un cortijo enladriado.

En medio de aquel cortijo havia un mansanale

Que da mansanas de amores en vierno y en verano.

Adientro de aquel cortijo siete grutas hay fraguada.

En cada gruta y gruta ay echado cadenado….

El huerco que fue ligero se entro por el cadenado.

La Moza y El Huerco

Живет на свете девушка,
девушка, которая не боится смерти,
Потому что у нее есть отец, и мать,
и двенадцать братьев-охотников,
Трехэтажный дом и скотный двор,

А посреди фермы – яблоня,

приносящая любовные яблоки зимой и летом.

На ферме семь пещер,

Каждая из которых надежно защищена…

Смерть была легкой
и проскользнула в замочную скважину.

«Смерть и девушка», сефардская баллада

Пролог

Ранняя весна

К тому времени, как Алекс удалось смыть со своего хорошего шерстяного пальто кровь, стало слишком тепло, чтобы его носить. Весна пришла скрепя сердце. Бледно-синие утра так и не стали солнечней; вместо этого они сменились сырыми, пасмурными днями, и дорогу высокими грязными меренгами окаймлял упрямый иней. Но примерно в середине марта снег на заплатках лужайки между каменными дорожками Старого кампуса начал таять, и под ним показалась влажная, черная, покрытая спутанной травой земля. Неожиданно для себя Алекс начала засиживаться на подоконниках тайных комнат на верхнем этаже дома 268 по Йорк-стрит и читать «Рекомендуемые требования к кандидатам в “Лету”».

Она слышала, как на каминной полке тикают часы, слышала, как звонит колокольчик, когда покупатели входят и выходят из расположенного внизу магазина одежды. Среди членов «Леты» тайные комнаты над магазином известны под ласковым прозвищем «Конура», а коммерческое помещение под ними в разное время успело побывать магазином обуви, офисом компании, продающей услуги в сфере активного туризма, и круглосуточным минимаркетом «Wawa» с собственной стойкой «Тако Белл». Дневники Леты тех времен были переполнены жалобами на вонь пережаренной фасоли и лука, проникающую сквозь пол. Это продолжалось до 1995 года, пока кто-то не заколдовал «Конуру» и черную лестницу, выходившую в переулок так, чтобы они всегда пахли кондиционером для белья и гвоздикой.

Алекс нашла брошюру с рекомендациями Дома Леты в какую-то из слившихся в ее памяти недель после инцидента в особняке на Оранж. С тех пор она только один раз проверила свою электронную почту со старого компьютера «Конуры», увидела длинную цепочку писем от декана Сэндоу и вышла из ящика. Она не заряжала свой севший мобильник, не ходила на пары, наблюдала, как ветви, будто примеряющие кольца женщины, пускают побеги. Она съела всю еду из кладовых и морозильника: сначала изысканные сыры и упаковки с копченым лососем, потом банки бобов и вымоченные в сиропе персики из коробок, помеченных надписью: «Неприкосновенные запасы». Когда они закончились, она начала беспардонно заказывать доставку еды, оплачивая ее с по-прежнему активного счета Дарлингтона. Спускаться и снова подниматься по лестнице было настолько утомительно, что ей приходилось отдыхать перед тем, как накинуться на обед или ужин, а иногда она вообще не удосуживалась поесть и просто засыпала на подоконнике или на полу среди целлофановых пакетов и завернутых в фольгу контейнеров. Проведать ее никто не приходил. Никого не осталось.

На обложке изданной по дешевке, скрепленной скобами брошюры была напечатана черно-белая фотография башни Харкнесса. Под ней стояла надпись: «Мы пастыри». Алекс сомневалась, что, выбирая девиз, основатели Дома Леты хотели процитировать Джонни Кэша, но, видя эти слова, всякий раз вспоминала, как лежала на старом матрасе в норе Лена в Ван-Найс; как комната вращалась, на полу рядом с ней стояла банка с недоеденным клюквенным соусом, а Джонни Кэш пел: «We are the shepherds, we walked ‘cross the mountains. We left our flocks when the new star appeared»[1]. Ей вспоминалось, как Лен повернулся к ней, сунул руку ей под рубашку и пробормотал ей на ухо: «Дерьмовые из них вышли пастыри».

Рекомендуемые требования к кандидатам в Дом Леты находились ближе к концу брошюры и в последний раз обновлялись в 1962 году.

---

[1] «Мы пастыри, мы прошли через горы. Мы оставили свои стада, когда появилась новая звезда» – цитата из песни Джонни Кэша «We are the Shepherds», пер. с англ. (*Здесь и далее прим. пер.*)

• Высокие академические достижения, особенно в истории и химии.

• Способность к языкам и практическое владение латынью и греческим.

• Хорошая физическая форма и обладание навыками гигиены. Доказательства регулярных занятий физическими упражнениями приветствуются.

• Проявляет признаки уравновешенности и рассудительности.

• Интерес к мистике не одобряется, поскольку он часто свидетельствует об асоциальности.

• Не должен брезговать проявлениями телесности.

MORS VINCIT OMNIA.

Алекс, чье владение латынью было далеко не практическим, перевела фразу со словарем: «Смерть побеждает все». Но на полях кто-то, почти вымарав «vincit» синей шариковой ручкой, написал над глаголом «irrrumat».

Приложение к рекомендациям «Леты» гласило: «Стандартные требования к кандидатам были смягчены в двух случаях с неоднозначными результатами: в случае Лоуэлла Скотта (бакалавр английского языка, 1909) и в случае Синклера Белла Брэвермана (степень не получил, 1950)».

Здесь на полях стояла еще одна пометка, явно сделанная неровным, похожим на кардиограмму почерком Дарлингтона: «Алекс Стерн». Ей вспомнилась кровь, дочерна пропитавшая ковер старого особняка Андерсонов. Ей вспомнился декан, поразительная белизна торчащей из его бедра кости, вонь диких псов.

Алекс отложила алюминиевый контейнер с холодным фалафелем от «Mamoun's» и вытерла руки о свои спортивные штаны Дома Леты. Прохромав в ванную, она открыла пузырек золпидема и сунула под язык таблетку. Она набрала в ладонь воды из-под крана, понаблюдала, как вода струится сквозь ее пальцы, послушала унылый сосущий звук из стокового отверстия. *Стандартные требования к кандидатам были смягчены в двух случаях.*

Впервые за несколько недель она посмотрела на девушку в забрызганном водой зеркале. Эта израненная девушка задрала майку: вату усеивали желтые гнойные пятна. Глубокая рана в боку Алекс покрылась черной коркой. От укуса осталась заметная дуга; она знала, что заживать она будет тяжело – если вообще заживет. Ее карту изменили. Ее береговую линию искромсали. *Mors irrumat omnia*. Смерть ебет нас всех.

Алекс осторожно прикоснулась к горячей красной коже, вокруг следов от зубов. Рана воспалялась. Она ощутила что-то похожее на тревогу. Разум призывал ее к самосохранению, но мысль о том, чтобы снять трубку и заказать такси до студенческого медцентра – каждое действие потребовало бы новое действие, – была слишком подавляющей, а теплая, тупая пульсация поджигающего себя тела стала почти приятной. Возможно, у нее начнутся лихорадка и галлюцинации.

Она осмотрела свои выступающие ребра, голубые вены, похожие на оборванные линии электропередач под бледнеющими синяками. Губы ее растрескались. Она вспомнила свое написанное на полях брошюры имя – третий случай.

– Результаты были, бесспорно, неоднозначными, – сказала она и испугалась хриплого дребезжания собственного голоса.

Она засмеялась, и слив, казалось, захихикал вместе с ней. Возможно, у нее уже поднялась температура.

Под яркими флюоресцентными светильниками в ванной она схватилась за края укуса в своем боку и погрузила в него пальцы, сжимая плоть вокруг швов, пока ее не накрыло мантией боли. Обморок приближался, как желанный наркотический приход.

Это было весной. Но неприятности начались ночью в разгар зимы, когда Тара Хатчинс умерла, а Алекс еще продолжала считать, что ей, возможно, все сойдет с рук.

> «Череп и кости», первый из восьми Домов Покрова и старейшее из владеющих гробницами обществ, основано в 1832 году. Костлявые могут похвастать бóльшим количеством президентов, издателей, промышленных магнатов и членов правительства, чем любое другое общество (полный список их выпускников можно найти в «Приложении С»), и «похвастать» – пожалуй, самое подходящее слово. Костлявые имеют отчетливое представление о том, насколько влиятельны, и ожидают соответствующего почтения от кандидатов «Леты». Им не помешало бы помнить о собственном девизе: «Богач и бедняк после смерти едины». Ведите себя с осмотрительностью и тактом, обусловленными вашей должностью и связью с «Летой», но всегда помните, что наш долг – не потворствовать гордыне лучших и умнейших студентов Йеля, а стоять между живыми и мертвыми.
> *Из «Жизни «Леты»: процедуры и протоколы Девятого Дома»*

> Костлявые воображают себя титанами среди ничтожеств, и это весьма неприятно. Но кто я такой, чтобы придираться, когда выпивка крепка, а девушки смазливы?
> *Дневник Джорджа Петита времен «Леты» (Колледж Сейбрук, выпуск 1956 года)*

1

Зима

Алекс торопливо шла по широкой инопланетной Бейнеке-плазе, топая ботинками по чистым плоским бетонным квадратам. Огромный куб библиотеки редких книг словно парил над собственным нижним этажом. Днем его панели пылали янтарем, и этот блестящий золотой улей походил скорее на храм, чем на библиотеку. Ночью же он выглядел, как гробница. Эта часть кампуса не слишком сочеталась с остальным Йелем – ни серого камня, ни готических арок, ни бунтарских маленьких скоплений зданий из красного кирпича, которые, как говорил Дарлингтон, на самом деле не являлись колониальными, а только подражали этому стилю. Он объяснил, что Бейнеке была построена такой специально, чтобы зеркально отражать этот уголок архитектуры кампуса и вписываться в него, но Алекс все равно ощущала себя так, словно попала в научно-фантастический фильм из семидесятых: казалось, студенты должны носить гимнастические трико или слишком короткие туники, пить что-то под названием «Экстракт» и есть еду в пилюлях. Даже большая металлическая скульптура, которая, как она теперь знала, создана Александром Колдером, напоминала ей гигантскую лавовую лампу в негативе.

– Это Колдер, – пробормотала она себе под нос. Именно так местные говорили об искусстве. Ничто не было создано *кем-то*. Эта скульптура – Колдер. Эта картина – Ротко. Этот дом – Нойтра.

И Алекс уже опаздывала. Она начала ночь с благими намерениями; она твердо решила написать сочинение по курсу современного британского романа и вовремя уйти, чтобы успеть на предсказание. Вместо этого она уснула в одном из читальных залов библиотеки с «Ностромо» в руке, положив ноги на батарею. В полодиннадцатого она резко проснулась. По щеке у нее ползла нитка слюны. Ее изумленное «Твою мать!» разнеслось в тихой библиотеке, словно выстрел из ружья, и она, спрятав лицо в шарфе, закинула на плечо сумку и бросилась бежать.

Она срезала путь через Общину и ротонду. Во мраморе были высечены имена погибших на войне и бдели каменные статуи: Мир, Самоотверженность, Память и, наконец, Отвага, запечатленная в образе почти раздетого, не считая шлема и щита, мужчины. По мнению Алекс, он больше походил на стриптизера, чем на плакальщика. Она сбежала вниз по ступеням и перешла перекресток Колледж-стрит и Гров.

Кампусу свойственно было преображаться с каждым часом и каждым кварталом, так что Алекс всегда казалось, будто она видит его впервые. Сегодня он был похож на лунатика с глубоким ровным дыханием. Прохожие, с которыми она сталкивалась по дороге к Шеффилд-Стерлинг-Страткона-холлу, словно грезили: глаза с поволокой, обращенные друг к другу лица; они держали стаканчики с дымящимся кофе в одетых в перчатки руках. У нее возникло жуткое ощущение, что она, девушка в темном пальто, им снится и исчезнет, стоит им проснуться.

Холл ШСС тоже дремал: аудитории накрепко заперты, коридоры освещены энергосберегающим полусветом. Алекс поднялась по лестнице на второй этаж и услышала доносящийся из одного из лекционных залов шум. Каждый четверг Йельский социальный клуб показывал там фильмы. Мерси приклеила расписание к двери их комнаты в общежитии, но Алекс не потрудилась его изучить. По четвергам она была занята.

Рядом с дверями в лекционный зал сидел, прислонившись к стене, Трипп Хельмут. Он поздоровался с Алекс кивком. Даже в тусклом свете было видно, как налиты кровью его глаза

и набухли веки. Прежде чем прийти сюда, он явно накурился. Возможно, поэтому Костлявые постарше и поручили ему стоять в карауле. А может, он сам вызвался.

– Ты опоздала, – сказал он. – Уже началось.

Проигнорировав его, Алекс посмотрела через плечо, чтобы убедиться, что в коридоре никого нет. Она не обязана была оправдываться перед Триппом Хельмутом, иначе показалась бы слабачкой. Она прижала большой палец к едва заметной бороздке на обшивке. Стена должна была открываться плавно, но вечно заедала. Алекс с силой подтолкнула ее плечом и споткнулась, когда та резко распахнулась.

– Полегче, дорогуша, – сказал Трипп.

Она закрыла за собой дверь и пошла по узкому темному проходу.

К сожалению, Трипп был прав. Предсказание уже началось. Стараясь не шуметь, Алекс вошла в старый анатомический театр.

Это была втиснутая между лекционным залом и аудиторией, где проводились семинары для аспирантов, глухая комната – забытый пережиток старого мединститута, проводившего занятия здесь, в ШСС, прежде чем переехать в собственные корпуса. Около 1932 года управляющие трастом, финансирующим «Череп и кости», замуровали вход в комнату и замаскировали его новой обшивкой. Все эти факты Алекс откопала в «Лете: наследие», когда ей, пожалуй, следовало бы читать «Ностромо».

Никто на нее даже не взглянул. Все глаза были устремлены на Гаруспика. Его худощавое лицо скрывала хирургическая маска, бледно-голубая мантия была забрызгана кровью. Руками в латексных перчатках он методично перебирал внутренности – пациента? субъекта? жертвы? Алекс не знала, какой из этих терминов отнести к мужчине на столе. Не жертва. *Предполагается, что он выживет.* Позаботиться об этом входило в ее обязанности. Она проследит, чтобы он невредимым прошел через это испытание и вернулся в больничную палату, откуда его забрали. «*Но что будет через год?* – гадала она. *– А через пять лет?*»

Алекс взглянула на мужчину на столе, Майкла Рейса. Две недели назад, когда его избрали для ритуала, она читала его карту. Отогнутые лоскуты брюшной стенки были зафиксированы стальными скобами, и его брюшная полость выглядела, как пышная розовая орхидея с бархатной алой серединой. *Скажите мне, что у него не останется шрама.* Но ей нужно было волноваться о собственном будущем. Рейс справится.

Алекс отвела глаза и постаралась дышать через нос: в желудке у нее заурчало, а рот наполнился медной слюной. Она повидала немало серьезных ранений, но всегда на мертвецах. В ране живого человека, в том, что жизнь в человеческом теле поддерживает лишь размеренное металлическое пищание монитора, было что-то куда более ужасное. В кармане у нее лежал глазированный имбирь от тошноты – один из советов Дарлингтона, – но она не могла заставить себя достать его и развернуть.

Вместо этого она уставилась в никуда, пока Гаруспик называл последовательность цифр и букв – биржевых сокращений и курсов акций компаний, находившихся в публичном обращении на Нью-Йоркской фондовой бирже. Позже ему предстояло перейти к автоматизированным котировкам Национальной ассоциации дилеров по ценным бумагам, бирже «Евронекст» и азиатским рынкам. Алекс даже не пыталась разобрать, что он говорит. Приказы продавать, покупать и придержать отдавались на непостижимом нидерландском – языке торговли, первой фондовой биржи, старого Нью-Йорка и официальном языке Костлявых. Во времена основания «Черепа и костей» греческий и латынь знало слишком много студентов, и для делишек тайного общества требовалось нечто менее распространенное.

«У нидерландского более сложное произношение, – рассказывал ей Дарлингтон. – Кроме того, это дает Костлявым предлог ездить в Амстердам».

Разумеется, Дарлингтон знал латынь, греческий и нидерландский. А еще говорил по-французски и по-мандарински и мог сносно объясниться по-португальски. Алекс же только

начинала изучать базовый испанский. Она занималась им в начальной школе, и у ее бабушки были заготовлены сефардские пословицы на все случаи жизни, а потому она рассчитывала, что в колледже запросто его освоит. Препятствий вроде сослагательного наклонения она не предвидела. Что у нее получалось, так это спросить, не хочет ли Глория сходить на дискотеку завтра вечером.

Из-за стены, за которой показывали кино, донеслась приглушенная автоматная очередь. Гаруспик с нескрываемым раздражением поднял взгляд от гладкого розового кошмара, который представляла собой тонкая кишка Майкла Рейса.

«Лицо со шрамом», – поняла Алекс, когда музыка стала громче и хор голосов в унисон загремел: *«Поиграть захотели? Хорошо. Играть будем жестко».* Зрители скандировали реплики одновременно с актерами, как будто это «Рокки Хоррор». «Лицо со шрамом» Алекс видела раз сто. Это был один из любимых фильмов Лена. В этом плане он был предсказуем, обожал все *крутое* – можно подумать, он заказал по почте набор «Как быть гангстером». Когда они встретили Хелли рядом с променадом Венис, ее золотые волосы походили на раскрытые кулисы театра ее больших голубых глаз, и Алекс мгновенно вспомнилась Мишель Пфайфер в атласном платье. Не хватало ей только гладкой густой челки. Но сегодня ночью, когда в воздухе воняло кровью, Алекс не хотела думать о Хелли. Лен и Хелли остались в старой жизни. В Йеле им было не место. Правда, чужой здесь была и сама Алекс.

Несмотря на вызываемые фильмом воспоминания, Алекс радовалась любому шуму, заглушающему хлюпанье, раздававшееся, когда Гаруспик рылся в кишках Майкла Рейса. Что он там видел? Дарлингтон говорил, что это все равно что предсказывать будущее по картам таро или костям животных. Но выглядело это уж точно иначе. И звучало более конкретно. *Вы по ком-то скучаете. Вы найдете счастье в новом году.* Вот какие пророчества обычно выдают предсказатели судьбы – туманные, успокаивающие.

Алекс разглядывала облаченных в мантии и капюшоны Костлявых, столпившихся вокруг тела на столе. Писарь-студент записывал предсказания, которые затем необходимо было передать управляющим хедж-фондов и частным инвесторам по всему миру, чтобы Костлявые и их выпускники сохранили финансовую подушку. Бывшие президенты, дипломаты, как минимум один директор ЦРУ – все они были выпускниками «Черепа и костей». Алекс вспомнила разглагольствующего в джакузи Тони Монтану: «Знаешь, что такое капитализм?». Алекс взглянула на распростертое тело Майкла Рейса: «Тони, ты и понятия не имеешь».

Она краем глаза уловила в галерее для зрителей какое-то движение. В театре было двое местных Серых, всегда сидевших на тех же самых местах, всего в паре рядов друг от друга: душевнобольная женщина, чьи яичники и матку удалили на процедуре гистерэктомии в 1926 году, за что ей заплатили бы шесть долларов, если бы она выжила; и мужчина, студент-медик. Он замерз насмерть в опиумном притоне за много тысяч миль отсюда году в 1880-м, но продолжал возвращаться, чтобы посидеть на своем старом месте и посмотреть вниз на то, что сходит за жизнь. Предсказания проводились в театре всего четыре раза в год, в начале каждого финансового квартала, но ему этого, похоже, вполне хватало.

Дарлингтон любил повторять, что иметь дело с призраками – все равно что ездить в подземке: «Не смотри им в глаза. Не улыбайся. Не вступай в контакт. Иначе неизвестно, что может последовать за тобой домой». Легче сказать, чем сделать, когда смотреть не на что, кроме мужчины, который играет с внутренностями другого человека, будто с костями для маджонга.

Алекс вспомнила, как потрясен был Дарлингтон, узнав, что она не только видит призраков без помощи зелий и заклинаний, но и видит их в цвете. Он до странного рассвирепел. И ей это понравилось.

«В каких цветах?» – спросил он и снял ноги с кофейного столика. Его тяжелые черные ботинки глухо стукнули о планчатый пол в гостиной Il Bastone.

«Просто в цвете. Как на старом полароиде. А что? Что видишь ты?»

«Они выглядят серыми, – резко ответил он. – Поэтому их так и называют».

Она тогда пожала плечами, зная, что ее невозмутимость разозлит Дарлингтона еще больше.

«Это не важно».

«Может, для тебя это и так», – пробормотал он и вышел из гостиной. Остаток дня он упражнялся в спортзале, пытаясь сбросить раздражение.

В то время она была довольна собой, радовалась, что не все дается ему так легко. Но сейчас, кружа по периметру театра и проверяя маленькие меловые отметки, обозначающие каждую сторону света, она паниковала и чувствовала себя неподготовленной. Это ощущение не покидало ее с тех пор, как она впервые попала в кампус. Нет, оно с ней еще дольше. С тех пор, как декан Сэндоу сел рядом с ее больничной койкой, постучал по наручнику на ее запястье запятнанными никотином пальцами и сказал: «Мы предоставим тебе возможность». Но то была прежняя Алекс. Алекс времен Хелли и Лена. Алекс из Йеля никогда не носила наручников, не дралась, не трахалась в туалете с незнакомцем, чтобы возместить проигрыш своего парня. Алекс из Йеля было сложно, но она не жаловалась. Она была хорошей девочкой, которая старалась не отставать.

И терпела неудачу. Она должна была прийти сюда пораньше, чтобы понаблюдать, как рисуют символы, и убедиться, что круг надежен. Обычно такие старые Серые, как те, что парили в амфитеатре, не доставляют неприятностей, даже когда их привлекает кровь, но предсказания – это большая магия, и ее работа – удостовериться, что Костлявые придерживаются соответствующих процедур, соблюдают осторожность. Но она всего лишь притворялась. Всю прошлую ночь она зубрила, пытаясь запомнить правильные символы и пропорции мела, угля и костей. Твою мать, она даже сделала *дидактические карточки* и заставляла себя пересматривать их, отвлекаясь от чтения Джозефа Конрада.

Алекс казалось, что символы выглядят прилично, но она разбиралась в защитных символах не лучше, чем в современных британских романах. Была ли она внимательна, когда присутствовала на предсказании в осеннем семестре вместе с Дарлингтоном? Нет. Потрясенная странностью происходящего, она посасывала имбирный леденец и молилась, чтобы ее не вырвало и она не опозорилась. Она-то рассчитывала, что у нее будет полно времени научиться всему у Дарлингтона. Но на этот счет оба они ошибались.

– Voorhoofd! – позвал Гаруспик, и вперед выскочила усердная Костлявая.

Мелинда? Миранда? Алекс не могла вспомнить, как зовут эту рыжую девушку. Она помнила только, что та состоит в женской акапельной группе под названием «Whim ‘n Rhythm». Девушка промокнула лоб Гаруспика белым платком и снова растаяла в толпе.

Алекс старалась не смотреть на мужчину на столе, но ее взгляд невольно устремлялся к его лицу. *Майкл Рейс, сорок восемь лет, диагностированная параноидальная шизофрения.* Вспомнит ли Рейс что-то из этого, когда очнется? Когда он попытается кому-то рассказать, назовут ли они его сумасшедшим? Алекс прекрасно знала, каково это. *На этом столе могла оказаться я.*

«Костлявые любят, чтобы они были как можно более чокнутыми, – говорил ей Дарлингтон. – Они считают, что это повышает точность предсказаний». Когда она спросила, почему, он просто ответил: «Чем безумнее victima, тем ближе она к Богу».

«Это правда?»

«Лишь тайна и безумие приоткрывают истинное лицо души[2], – процитировал он и пожал плечами. – Их банковские счета согласны».

«И мы не против? – спросила Алекс. – Что людей вскрывают, чтобы какой-нибудь там мистер Совершенство мог сделать ремонт в своем летнем домике?»

[2] Томас Мор.

«Никогда не был знаком ни с одним мистером Совершенство, – сказал он. – Все еще не теряю надежды, – он помрачнел и, помолчав, добавил: – Остановить это невозможно. На умения обществ полагается слишком много влиятельных людей. До появления «Леты» их не контролировал никто. Если будешь возмущенно блеять, ничего не добьешься и лишишься стипендии. Или ты можешь оставаться здесь, делать свою работу и приносить столько добра, сколько сможешь».

Уже тогда она задавалась вопросом, является ли это беспристрастной оценкой ситуации и не связывает ли Дарлингтона с «Летой» так же крепко, как и чувство долга, его страстное желание знать *все*. Но она промолчала тогда и собиралась молчать сейчас.

Майкла Рейса нашли в одной из больниц в йельском Нью-Хейвене. Со стороны он выглядел, как любой другой пациент: это был бродяга из тех, что попадают то в психушку, то в тюрьму и то принимают лекарства, то снова слетают с катушек. В Нью-Джерси у него был брат, значившийся ближайшим родственником в документах и давший разрешение на то, что, как ему сказали, было обыкновенной медицинской процедурой для лечения язвы кишечника.

Ухаживала за Рейсом исключительно медсестра по имени Джин Гатдула, проработавшая три ночные смены подряд. Когда – казалось бы, из-за ошибки при составлении графика, – ей достались еще два вечера в больнице, она и глазом не моргнула и даже не подумала качать права. На той неделе, как могли заметить ее коллеги, она всегда являлась на работу с огромной сумкой. В ней лежал маленький холодильник, в котором она носила еду Майклу Рейсу: голубиное сердце для ясности, корень герани и блюдо горьких трав. Гатдула понятия не имела, для чего эта еда и какая судьба ждет Майкла Рейса, как и в случаях остальных «особых» пациентов, за которыми она ухаживала. Она даже не знала, на кого работает. Ей было известно только, что каждый месяц она получала позарез необходимый ей чек, благодаря которому могла вернуть долги, наделанные ее азартным мужем, игравшим в блэкджек в казино «Foxwoods».

Алекс не знала, воображение ли играет с ней злую шутку или она и правда чувствует исходящий от внутренностей Рейса запах молотой петрушки, но ее желудок снова угрожающе сжался. Ее теплая одежда промокла, и ей срочно нужно было выйти на свежий воздух. Отделенная от остального здания система кондиционирования поддерживала в анатомическом театре холод, но от огромных переносных галогеновых прожекторов, направленных на операционный стол, исходил жар.

Раздался приглушенный стон. Взгляд Алекс метнулся к Майклу Рейсу, в ее воображении пронеслась страшная сцена: Рейс просыпается и обнаруживает, что привязан к столу, окружен людьми в капюшонах, а его внутренности на всеобщем обозрении. Но его глаза были закрыты, грудь размеренно поднималась и опускалась. Стон продолжался, становясь все громче. Возможно, плохо стало кому-то еще? Но никто из Костлявых не проявлял признаков тошноты. Их лица светились в тусклом театре, как прилежные луны, взгляды были сосредоточены на процедуре.

Стон продолжал нарастать подобно ветру, проносился по помещению и отскакивал от обитых темным деревом стен. *«Не смотри в глаза,* – предостерегла себя Алекс. *– Просто проверь, что Серые…»* Она подавила изумленный вскрик.

На прежних местах Серых не было.

Они облокачивались на окружавшие анатомический театр перила, сжимая пальцами дерево, вытягивая шеи. Их тела тянулись к самой границе мелового круга, как у животных, стремящихся напиться из желоба водосточной трубы.

Не смотри. Это был голос Дарлингтона, его предостережение. *Не смотри слишком пристально.* Серым слишком легко установить связь, прилепиться к тебе. Для нее это было еще опасней, потому что она уже знала истории этих Серых. Они были здесь так давно, что поколения делегатов «Леты» задокументировали их прошлое. Но их имена были вычеркнуты из всех документов.

«Если имя тебе неизвестно, – объяснял Дарлингтон, – ты не можешь о нем подумать, а значит, у тебя не возникнет искушения его назвать». Имя создавало своего рода близость.

Не смотри. Но Дарлингтона рядом не было.

Серая женщина была обнажена, ее маленькие груди сморщились от холода так же, как должно быть, после смерти. Она поднесла ладонь к открытой ране на своем животе, ласково прикоснулась к плоти, как женщина, застенчиво показывающая, что находится в положении. Ее не зашили. На мальчике – ибо он был мальчиком, худеньким и с нежными чертами – был неряшливый бутылочно-зеленый пиджак и запятнанные брюки. Серые всегда выглядели так же, как в минуту смерти. Но что-то в том, как они – одна обнаженная, другой одетый – стояли бок о бок, казалось непристойным.

Каждая мышца Серых была напряжена, глаза вытаращены, рты раззявлены. Черные дыры их ртов напоминали пещеры, и из них исходил этот унылый плач – не стон, а что-то монотонное и нечеловеческое. Алекс вспомнила осиное гнездо, которое как-то летом нашла в гараже под маминой квартирой в Студио-Сити, бездумное жужжание насекомых в темноте.

Гаруспик продолжал вещать на нидерландском. Еще один Костлявый поднес стакан воды к губам писаря, который по-прежнему делал записи. В воздухе висел острый запах крови, трав и дерьма.

Серые, дрожа, дюйм за дюймом выгибались вперед. Их губы растянулись, рты стали слишком широкими. Казалось, у них вывихнуты челюсти. Все помещение словно завибрировало.

Но видела их только Алекс.

Поэтому «Лета» и пригласила ее сюда, поэтому декан Сэндоу и вынужден был сделать золотое предложение девушке в наручниках. И все же Алекс оглядывалась по сторонам, надеясь, что кто-то еще поймет, что происходит, и поможет.

Она отступила на шаг. Сердце бешено колотилось у нее в груди. Серые были покладистыми, зыбкими, особенно такие старые. По крайней мере, так считала Алекс. Может, Дарлингтон просто не успел ее этому научить?

Она лихорадочно перебирала в памяти немногие заклятия, которым Дарлингтон научил ее в прошлом семестре, защитные заклинания. В крайнем случае можно воспользоваться смертными словами. Сработают ли они на Серых в таком состоянии? Она должна была положить в карманы соль, карамельки, которые могли бы их отвлечь, что угодно. «Это элементарно, – сказал у нее в голове Дарлингтон. – Разобраться проще простого».

Деревянные перила под пальцами Серых начали гнуться и скрипеть. Рыжая из акапельной группы посмотрела вверх, гадая, откуда доносится скрип.

Дерево вот-вот треснет. Должно быть, символы были начертаны неверно; защитный круг не выдержит. Алекс оглянулась на бесполезных Костлявых в нелепых мантиях. Будь здесь Дарлингтон, он бы остался и поборолся, убедился бы, что Серые обузданы, а Рейс в безопасности.

Прожектора стали тусклыми, замигали.

– Пошел ты, Дарлингтон, – пробормотала себе под нос Алекс, уже собираясь сбежать.

Бум.

Комнату тряхнуло. Алекс споткнулась. Гаруспик и остальные Костлявые раздраженно взглянули на нее.

Бум.

Что-то словно стучалось с того света. Что-то большое. Что-то, что нельзя впускать.

– Наша Данте напилась? – пробормотал Гаруспик.

Бум.

Алекс открыла рот, чтобы закричать, чтобы велеть им бежать, пока то, что удерживает эту тварь, не поддалось.

Внезапно стон полностью оборвался, будто закупоренный в бутылке. Монитор запищал. Лампы зажужжали.

Серые снова сидели на своих местах, не обращая ни малейшего внимания ни друг на друга, ни на нее.

Алекс насквозь вспотела под пальто. Блузка прилипла к ее телу. Она ощущала собственный горький запах страха. Прожекторы по-прежнему испускали раскаленный белый свет. Театр пульсировал жаром, как налитый кровью орган. Костлявые таращились на нее. В соседнем зале шли титры.

Там, где Серые сжимали перила, виднелись раскинувшиеся, как кукурузные рыльца, белые древесные щепки.

– Извините, – сказала Алекс. Ноги ее подогнулись, и ее вырвало на каменный пол.

Когда Майкла Рейса наконец зашили, было около трех часов ночи. Гаруспик и большинство Костлявых ушли за несколько часов до этого, чтобы отмыться после ритуала и подготовиться к вечеринке, которая должна была закончиться куда позже рассвета.

Гаруспик мог направиться прямиком в Нью-Йорк на лимузине с обитыми кремовой кожей сиденьями или остаться на гуляния и поразвлечься с любым из безотказных студентов и студенток – а может, и с теми, и с другими. Алекс говорили, что «обслуживать» Гаруспика считается честью, и она полагала, что, если достаточно набраться или накачаться наркотой, тебе может так и показаться, но звучало все так, словно ребят подкладывают под человека, который платит по счетам.

Рыжая – как выяснилось, Миранда, «как в “Буре”» – помогла Алекс вытереть рвоту. Она проявила к ней искреннее сочувствие, и Алекс почти стало стыдно за то, что она не запомнила ее имя.

Рейса вывезли из здания на каталке, окутанной помутняющей завесой, благодаря которой он выглядел, как аудио- и видеоаппаратура под защитной клеенкой. С точки зрения безопасности общества это было самой рискованной частью всего ночного мероприятия. По большому счету, «Череп и кости» не преуспевали ни в чем, кроме предсказаний, а члены «Манускрипта», разумеется, были не заинтересованы в том, чтобы обучить другое общество своим чарам. С каждой выбоиной магия, создающая завесу вокруг Рейса, колебалась, каталка становилась видимой и снова испарялась, и все это время слышалось пищание медицинского оборудования и аппарата ИВЛ. Если бы кто-то присмотрелся к тому, что везут по коридору, у Костлявых возникли бы серьезные неприятности – правда, Алекс почти не сомневалась, что они без труда смогли бы откупиться.

Она собиралась проведать Рейса, как только его вернут в больницу, а потом еще раз через неделю, чтобы убедиться, что выздоровление проходит без осложнений. Ранее уже случалось, что предсказания приводили к смертельному исходу, хотя с тех пор, как в 1898 году для надзора за обществами основали «Лету», такое произошло лишь однажды. Во время наспех спланированного гадания после биржевого краха 1929 года группа Костлявых случайно убила бродягу. Предсказания попали под запрет на следующие четыре года, а «Кости» столкнулись с угрозой потери своей внушительной гробницы из красного камня на Хай-стрит. «Поэтому мы и существуем, – сказал Дарлингтон, когда Алекс переворачивала страницы записей «Леты» с перечислением имен каждой victima и дат предсказаний. – Мы пастыри, Стерн».

Но, когда Алекс показала ему надпись на полях «Леты: наследие», его передернуло.

«БНМБ?» – спросила она.

«Больше никаких мертвых бездомных», – со вздохом сказал он.

Вот тебе и благородная миссия Дома Леты. И все-таки этой ночью Алекс, едва не бросившая Майкла Рейса на произвол судьбы, не испытывала чувства собственного превосходства.

Выслушав бесчисленное множество шуток о том, как ее вырвало полупереваренным жареным цыпленком и жевательными конфетами, она задержалась в театре, чтобы убедиться, что оставшиеся Костлявые проведут надлежащую процедуру дезинфекции комнаты.

Она пообещала себе, что вернется позже и посыпет театр костяной пылью. Напоминания о смерти – лучший способ отпугнуть Серых. Вот почему призраки нигде не встречаются так редко, как на кладбищах. Ей вспомнились открытые рты призраков, это ужасное жужжание насекомых. Что-то пыталось пробиться в меловой круг. По крайней мере, выглядело все так. Серые – призраки – безобидны. По большей части. Принять какой-либо облик в мире смертных им очень непросто. А как насчет пройти сквозь последний Покров? Обрести физическую форму, способность к прикосновению? К тому, чтобы принести вред? Это они могут. Алекс знала по собственному опыту. Но это почти невозможно.

Как бы там ни было, предсказания проводились в этом театре сотни раз, и она никогда не слышала, чтобы какие-то Серые обретали физическую форму или препятствовали ритуалу. Почему же этой ночью их поведение изменилось?

Если оно изменилось.

Для Алекс величайшим подарком «Леты» была не полная стипендия Йеля, не новый старт, который вытравил ее прошлое, будто химический ожог. Это было знание, уверенность, что то, что она видит, реально и всегда было таковым. Но она слишком долго подозревала себя в сумасшествии и уже не могла остановиться. Дарлингтон бы ей поверил. Он всегда ей верил. Только вот Дарлингтона больше нет.

«Не навсегда», – сказала себе она. Через неделю настанет новолуние, и они вернут его домой.

Алекс дотронулась до треснувших перил, уже обдумывая, как опишет ход этого предсказания в записях Дома Леты. Декан Сэндоу просматривал их все, и она не испытывала никакого желания обращать его внимание на что-то необычное. И потом, если не считать того, что беспомощному человеку перебрали кишки, ничего плохого не произошло.

Когда Алекс вышла из прохода в коридор, Трипп Хелмут вскинулся.

– Ну что, они там заканчивают?

Алекс кивнула и набрала полные легкие относительно свежего воздуха. Ей не терпелось выйти на улицу.

– Гадость, да? – с ухмылкой спросил Трипп. – Если хочешь, могу дать тебе пару подсказок, когда их транскрибируют. Будет полегче с этими студенческими кредитами.

– Тебе-то, блин, откуда знать, что такое студенческий кредит? – вопрос вырвался у нее помимо воли.

Дарлингтон бы такого не одобрил. От Алекс требовались вежливость, отстраненность и такт. К тому же, ее возмущение лицемерно. «Лета» позаботилась, чтобы она окончила институт, не беспокоясь о долгах, – если, конечно, справится с четырьмя годами экзаменов, сочинений и таких ночей.

Трипп поднял руки, как бы сдаваясь, и нервно рассмеялся.

– Эй, хочешь жить – умей вертеться.

Трипп входил в парусную команду, был Костлявым в третьем поколении, джентльменом и ученым, чистокровным золотистым ретривером – туповатым, лощеным и дорогим. Он был взъерошенным и розовым, как здоровый младенец. Волосы у него были рыжеватые, а с кожи еще не сошел загар с тех пор, как он отдыхал на каком-то очередном острове на зимних каникулах. Он обладал непринужденностью человека, у которого всегда было и будет «все путем», мальчика с тысячью вторых шансов.

– У нас все норм? – добродушно спросил он.

– Все норм, – ответила она, хотя чувствовала себя вовсе не нормально. В ее легких и черепе по-прежнему отдавались отзвуки этого жужжащего стона. – Просто здесь душно.

– Скажи? – отозвался готовый помириться Трипп. – Может, не так уж и плохо, что я всю ночь проторчал в коридоре.

Голос его звучал неуверенно.

– Что у тебя с рукой? – Алекс заметила, что из-под ветровки Триппа торчит край бинта.

Он задрал рукав, показывая лоскут толстого целлофана, наклеенный на внутреннюю часть предплечья.

– Мы тут сегодня компанией татушки набили.

Алекс присмотрелась: самодовольный бульдог выпрыгивал из-за большой синей буквы «Й». Брутальный эквивалент «лучших друзей навсегда!».

– Прикольно, – солгала она.

– А у тебя есть тату?

Его взгляд сонно блуждал по ее телу, пытаясь представить ее без зимней одежды, – точно так же, как у неудачников, которые ошивались в Граунд-Зиро и проводили пальцами по рисункам на ее ключице и бицепсах: «А что значит вот эта?»

– Не-а. Это не мое, – Алекс обернула шарф вокруг шеи. – Завтра навещу Рейса в больнице.

– Чего? А, ну да. Хорошо. А где вообще Дарлингтон? Уже сливает тебе всю дерьмовую работенку?

Трипп терпел Алекс и пытался с ней подружиться, потому что хотел, чтобы ему чесал животик каждый встречный, но Дарлингтон ему действительно нравился.

– В Испании, – сказала она, потому что так ей велели отвечать.

– Круто. Передай ему «buenos dias»[3].

Если бы Алекс могла передать что-то Дарлингтону, она бы сказала: «Возвращайся». Сказала бы по-английски и по-испански. В повелительном наклонении.

– Adiós[4], – сказала она Триппу. – Хорошей вечеринки.

Отойдя от здания, Алекс стянула перчатки, развернула две липкие имбирные конфеты и засунула их в рот. Она устала думать о Дарлингтоне, но запах имбиря и тепло, которое разливалось от него в горле, еще больше оживляли его в ее памяти. Перед глазами у нее появилось его длинное тело, растянувшееся перед огромным каменным камином в «Черном вязе». Он снял ботинки, а носки положил сушиться у огня. Дарлингтон лежал на спине с закрытыми глазами, положив затылок на сцепленные руки и перебирая пальцами ног в такт разносящейся по комнате музыке – какой-то неизвестной Алекс классике. Голоса валторн оставляли в воздухе выразительные звуковые крещендо.

Алекс сидела на полу рядом с ним, прижимаясь спиной к старому дивану, обхватив руками колени и пытаясь казаться расслабленной и перестать глазеть на его ступни. Просто они казались такими *голыми.* Он подвернул свои черные джинсы, чтобы уберечь кожу от влаги, и эти узкие белые ступни с волосками на больших пальцах заставили ее почувствовать себя немного развратницей, похожей на какого-нибудь черно-белого извращенца, обезумевшего при виде лодыжки.

Пошел ты, Дарлингтон. Она снова натянула перчатки.

На секунду ее парализовало. Ей нужно было вернуться в Дом Леты и написать отчет для декана Сэндоу, но чего ей по-настоящему хотелось, так это плюхнуться на узкую нижнюю койку в комнате, которую она делила с Мерси, и проспать как можно дольше до начала пар. В такой час ей не пришлось бы придумывать отговорки для любопытных соседок по комнате. Но, если она поспит в «Лете», Мерси и Лорен потребуют, чтобы она рассказала им, где и с кем провела ночь.

---

[3] Добрый день (*исп.*)

[4] Пока (*исп.*)

Дарлингтон предлагал ей выдумать парня, чтобы оправдать долгие отлучки и поздние возвращения.

«Если я это сделаю, рано или поздно мне придется показать им парня, который будет смотреть на меня с обожанием, – раздраженно ответила Алекс. – Как тебе сходило это с рук последние три года?»

Дарлингтон только пожал плечами.

«Мои соседи решили, что я кобель».

Если бы Алекс закатила глаза еще чуть больше, она бы смотрела в противоположном направлении.

«Ладно-ладно. Я сказал им, что играю в группе с парнями из Коннектикутского университета и мы часто выступаем на выезде».

«Ты вообще умеешь на чем-то играть?»

«Конечно».

На виолончели, контрабасе, гитаре, фортепьяно и на чем-то под названием уд.

При благополучном раскладе Мерси будет видеть десятый сон, когда Алекс вернется в общежитие, и она сможет захватить свою корзинку с душевыми принадлежностями и выйти из комнаты незамеченной. Это будет непросто. Если ты имеешь дело с Покровом между мирами, он оставляет после себя вонь, похожую на нечто вроде запаха озона после разряда молнии во время грозы и гнили тыквы, слишком долго пролежавшей на подоконнике. В первый раз она сдуру вернулась в общежитие, не помывшись, и, чтобы объяснить запах, ей пришлось соврать, что она поскользнулась и упала в кучу мусора. Мерси и Лорен смеялись над ней несколько недель.

Алекс вспомнила грязный душ в общежитии… а потом представила, как ляжет в просторную чистенькую старую ванну на львиных ножках в Il Bastone, где ее ждала такая высокая кровать с балдахином, что на нее приходилось забираться. У «Леты» вроде как были убежища по всему кампусу Йеля, но Алекс знала только два – «Конуру» и Il Bastone. «Конура» находилась ближе к общежитию и корпусам, где проходило большинство ее занятий, но представляла собой всего лишь невзрачные уютные комнаты над магазином одежды, в которых всегда можно было найти запас чипсов и протеиновых батончиков Дарлингтона. Здесь можно было перекантоваться и по-быстрому подремать на продавленном диване. Il Bastone было нечто особенное – трехэтажный особняк почти в миле от центра кампуса, служивший главной штаб-квартирой «Леты». Этой ночью во всем доме горел свет, и Окулус ждала ее с подносом чая, бренди и сэндвичами. Такова была традиция, хотя Алекс являлась не за тем, чтобы перекусить. Но ценой всей этой роскоши было общение с Окулус, а нынешней ночью она бы просто не вынесла напряженного молчания Доуз. Уж лучше вернуться в общагу, воняя ночной работой.

Алекс перешла улицу и срезала путь через ротонду. Было непросто заставить себя не оглядываться. Ее не покидали воспоминания о Серых, стоящих у границы круга со слишком широко распахнутыми ртами – черными безднами, из которых доносилось низкое жужжание насекомых. Что случилось бы, если бы перила сломались, если бы меловой круг не выдержал? И что их спровоцировало? Хватило ли бы ей силы и знаний, чтобы их удержать? Pasa punto, pasa mundo.

Алекс поплотнее запахнулась в пальто, пряча лицо в шерстяной шарф и ощущая собственное влажное дыхание, и поспешила назад мимо библиотеки Бейнеке.

«Если тебя запрут здесь во время пожара, весь кислород откачают, – утверждала Лорен. – Чтобы защитить книги».

Алекс знала, что это брехня. Ей сказал Дарлингтон. Он знал правду обо всех ипостасях этого здания: оно построено в соответствии с платоновским идеалом (здание – храм) с использованием тех же пропорций, которые некоторые наборщики применяли для своих страниц (здание – книга), а его мрамор добыт в Вермонте (здание – монумент). Вход сделан таким

образом, чтобы одновременно туда мог войти только один человек: он должен пройти через вращающиеся двери, как проситель. Она помнила, как Дарлингтон надевал белые перчатки, чтобы листать редкие манускрипты, как его длинные пальцы благоговейно покоились на странице. Лен так же обращался с наличными.

В Бейнеке была тайная комната на… она не могла вспомнить, на каком этаже. А если бы вспомнила, не пошла бы туда. Ей не хватило бы смелости спуститься во внутренний двор, особым образом прикоснуться к окну, войти в темноту. Это место было дорого Дарлингтону. Более волшебного места не существовало. И нигде больше во всем кампусе она не чувствовала себя такой самозванкой.

Алекс потянулась к мобильнику, чтобы свериться с часами, надеясь, что еще не сильно больше трех. Если успеть помыться и уснуть к четырем, она сможет поспать еще добрых три с половиной часа, перед тем как снова встать и бежать на испанский. Подобными расчетами она занималась каждую ночь, каждую секунду. Сколько у нее времени на работу? Сколько на отдых? Цифры никогда не сходились. Она едва сводила концы с концами, растягивала бюджет, ей всегда немного не хватало, и паника следовала за ней по пятам.

Алекс взглянула на светящийся экран и выругалась. Ее завалили сообщениями. Перед предсказанием она перевела телефон в беззвучный режим, а потом забыла включить звук.

Все сообщения были от одного человека – Окулус, Памелы Доуз, аспирантки, которая поддерживала порядок в обителях «Леты» и была их научной сотрудницей. *Пэмми*, хотя так ее звал только Дарлингтон.

«Перезвони».

«Перезвони».

«Перезвони».

Сообщения приходили с промежутком ровно в пятнадцать минут. Либо Доуз придерживалась какого-то протокола, либо была еще более дерганой, чем предполагала Алекс.

Алекс подумывала просто проигнорировать сообщения. Но была ночь четверга, ночь, когда проходили встречи обществ, а это означало, что какое-то мелкое дерьмо что-то натворило. Откуда ей знать, может, эти придурочные оборотни из «Волчьей морды» превратились в стадо буйволов и затоптали кучку студентов из Брэнфорда.

Она зашла за одну из поддерживающих куб Бейнеке колонн, чтобы укрыться от ветра, и набрала номер.

Доуз взяла трубку с первого же гудка.

– Говорит Окулус.

– Отвечает Данте, – сказала Алекс, чувствуя себя идиоткой. Данте – это она.

Дарлингтон был Вергилием. Предполагалось, что иерархия «Леты» останется таковой, пока Алекс не доучится до последнего курса и не станет Вергилием сама, чтобы наставлять своего преемника-первокурсника. Когда Дарлингтон называл ей их кодовые имена, которые величал постами, она кивала и зеркалила его легкую улыбку, притворяясь, что оценила шутку. Позже она погуглила их и узнала, что Вергилий был проводником Данте, когда тот спускался в ад. Опять юмор Дома Леты пропал впустую.

– В комплексе Пейна Уитни нашли тело, – сказала Доуз. – Центурион на месте.

– Тело, – повторила Алекс, спрашивая себя, не повлияла ли усталость на ее способность понимать обыкновенную человеческую речь.

– Да.

– Типа мертвое тело?

– Да-а, – Доуз явно старалась, чтобы ее голос звучал спокойно, но у нее перехватило дыхание, и единственный слог превратился в музыкальное заикание.

Алекс прижалась спиной к колонне, ощущая через пальто холод камня. На нее нахлынула волна злого адреналина.

«Ты издеваешься?» – захотелось спросить ей. Такое у нее сложилось впечатление. Что ее пытаются наебать. Она словно вернулась в прошлое, когда была странной девочкой, которая разговаривала сама с собой и так отчаянно мечтала завести друзей, что согласилась, когда Сара Маккинни взмолилась: «Встретишься со мной в «Тре мучачос» после школы? Я хочу посмотреть, сможешь ли ты поговорить с моей бабушкой. Мы раньше часто туда ходили, и я очень по ней скучаю». Девочкой, которая одиноко стояла перед входом в самый дерьмовый мексиканский ресторан в самом дерьмовом фудкорте в Долине, пока ей не пришлось позвонить маме и попросить ее забрать, потому что никто так и не пришел. Разумеется, никто не пришел.

«Это реальность», – напомнила она себе. И, кем бы ни была Памела Доуз, она явно не стерва вроде Сары Маккинни.

А значит, кто-то умер.

И она, Алекс, должна что-то предпринять?

– Эм, это был несчастный случай?

– Возможно, убийство, – голос Доуз звучал так, будто именно этого вопроса она и ждала.

– Окей, – сказала Алекс, потому что понятия не имела, что еще сказать.

– Окей, – неловко ответила Доуз. Она произнесла свою ключевую реплику и теперь готовилась сойти со сцены.

Повесив трубку, Алекс еще немного постояла в унылом, ветреном молчании пустой площади. Она забыла не меньше половины из того, чему Дарлингтон пытался научить ее перед исчезновением, но об убийствах он точно не рассказывал.

Она не знала, почему. Если вы собираетесь вместе в ад, то почему бы не начать с убийств.

2

Прошлая осень

Дэниел Арлингтон гордился тем, что готов ко всему, но, если бы ему пришлось подобрать слова для описания Алекс Стерн, он бы назвал ее неприятным сюрпризом. В голову ему приходило множество определений, но ни одно из них не было вежливым, а Дарлингтон всегда старался быть вежливым. Если бы его вырастили родители – дилетант-отец и болтливая, но остроумная мать, – возможно, он имел бы другие приоритеты, но его вырастил дед Дэниел Тэйбор Арлингтон Третий, который верил, что большинство проблем решается с помощью крепкого скотча, льда и безупречных манер.

Его дед никогда не встречал Гэлакси Стерн.

Дарлингтон нашел комнату Алекс на первом этаже общежития Вандербильта унылым жарким днем в начале сентября. Он мог бы дождаться, пока она сама явится в дом на Оранж, но, когда он был первокурсником, его собственная наставница, неподражаемая Мишель Аламеддин, которая стала его Вергилием, приветствовала его в Йеле и Доме Леты, придя к нему в общагу первокурсников в Старом кампусе. Дарлингтон твердо решил все делать правильно, хотя вся эта история со Стерн пошла не так с самого начала.

Он не выбирал Гэлакси Стерн своей Данте. Более того, самим фактом своего существования она украла у него мгновение, которое он предвкушал все три года службы в «Лете», – мгновение, когда он подарит свою любимую работу кому-то новому, приоткроет завесу обычного мира для какой-то достойной, но ничего не подозревающей души. Всего несколько месяцев назад он привез в «Черный вяз» коробки с заявками на поступление и сложил их в большом зале. Полный энтузиазма, он собирался прочесть или хотя бы пробежать глазами все тысячу восемьсот с лишним заявок, прежде чем огласить свои рекомендации выпускникам Дома Леты. Он был намерен выбрать двадцать кандидатов на роль Данте после честного, непредвзятого и скрупулезного рассмотрения их документов. После этого «Лета» должна была подвергнуть их прошлое тщательной проверке, выяснить, не проявляют ли они признаков душевных болезней, каково состояние их здоровья и финансовое положение, и принять окончательное решение.

Дарлингтон рассчитал, сколько заявок нужно рассматривать ежедневно, чтобы успевать ухаживать за домом по утрам, а дни посвящать своей работе в музее Пибоди. В тот июльский день он уже опередил график и дошел до заявки 324: Маккензи Хоффер, навыки устной речи – 800, математика – 720; девять углубленных курсов в выпускном классе; блог о гобелене из Байё на английском и французском языках. Она казалась многообещающей, пока он не дошел до ее личного эссе, где она сравнила себя с Эмили Дикинсон. Дарлингтон только что положил ее папку в стопку «нет», когда позвонил Сэндоу, чтобы сказать ему, что их поиски окончены. Они нашли кандидатку. Выпускники проголосовали единодушно.

Дарлингтону хотелось возразить. Черт, ему хотелось что-нибудь сломать. Вместо этого он выровнял лежащую перед ним стопку папок и спросил:

– Кто это? У меня здесь документы всех абитуриентов.

– Ее документов у тебя нет. Она их не подавала. Она даже не окончила старшую школу, – не успел Дарлингтон возмутиться, как Сэндоу добавил: – Дэниел, она видит Серых.

Дарлингтон застыл. Рука его по-прежнему лежала на папке Маккензи Хоффер (которая два лета проработала в благотворительной организации «Среда обитания для человечества»). Его поразило даже не то, что Сэндоу назвал его по имени, что случалось редко. *Она видит Серых*. Живой человек может увидеть мертвых, только выпив «Оросчерио» – бесконечно слож-

ный эликсир, приготовление которого требовало мастерства и скрупулезности. Сам он пытался приготовить его в семнадцать лет, когда еще не слышал о «Лете» и только надеялся, что, возможно, мир куда более удивителен, чем принято считать. Эта попытка привела его в реанимацию. Кровотечение из ушей и глаз не прекращалось два дня.

– Ей удалось приготовить эликсир? – с восторгом и, откровенно говоря, некоторой завистью спросил он.

Повисло такое долгое молчание, что Дарлингтон успел выключить светильник на дедовском столе и выйти на заднее крыльцо «Черного вяза». Отсюда видны были дома на отлого спускающемся к кампусу Эджвуде и, далеко вдали, пролив Лонг-Айленд. Когда-то вся земля до самой Централ-авеню принадлежала «Черному вязу», но, когда богатство Арлингтонов поистощилось, была продана по частям. Остался лишь дом с садовыми розами и полуразрушенный лабиринт на краю леса – и присматривать за ними, подрезать их и возвращать к жизни было некому, кроме Дарлингтона. Спускались длинные, медленные летние сумерки, кишащие москитами и блестящие от светлячков. Он видел вопросительно изогнутый хвост кота Космо, охотящегося за каким-то мелким зверьком в высокой траве.

– Никакого эликсира, – сказал Сэндоу. – Она просто их видит.

– А, – сказал Дарлингтон, наблюдая за тем, как дрозд равнодушно поклевывает расколотый пьедестал того, что когда-то было фонтаном-обелиском.

Больше сказать было нечего. Хотя «Лета» создавалась для надзора за деятельностью йельских тайных обществ, ее дополнительной миссией было открывать тайны, скрывающиеся за Покровом. Годами они документировали истории о людях, способных видеть призраков, – некоторые из них были доказаны, другие же оставались лишь слухами. Так что, если совет нашел девушку, которая на это способна, и сможет принять ее в Дом Леты… Что ж, прекрасно. Он будет рад с ней познакомиться.

Ему хотелось напиться.

– Меня это радует не больше, чем тебя, – сказал Сэндоу. – Но ты сам знаешь, в каком мы положении. Это важный год для «Леты». Нам нужно, чтобы все были довольны.

«Лета» отвечала за надзор за Домами Покрова, но от них так же зависело ее содержание. В этом году общества должны были решить, продолжать ли ее финансировать. Дома вели деятельность без нарушений так долго, что кое-кто начал поговаривать, что и дальше тратиться на спонсирование «Леты» нет смысла.

– Я отправлю тебе ее досье. Она не… Она не та Данте, на которую мы надеялись, но постарайся отнестись к ней непредвзято.

– Конечно, – будучи джентльменом, сказал Дарлингтон. – Разумеется.

И постарался сдержать слово. Он продолжал стараться даже после того, как прочел ее досье, просмотрел видеозапись разговора между ней и Сэндоу, сделанную в больнице в Ван-Найс, Калифорния, и услышал ее хриплый, похожий на сломанный деревянный духовой инструмент голос. Ее нашли обнаженной, в обмороке на месте преступления рядом с девушкой, недостаточно везучей, чтобы пережить принятый ими обеими фентанил. Подробности этой истории оказались гораздо более омерзительными и печальными, чем он мог вообразить, и он пытался ее пожалеть. Его Данте, девушка, которой ему предстояло подарить ключи от тайного мира, была преступницей, наркоманкой, недоучкой, ценности которой нисколько не совпадали с ценностями Дарлингтона. Но он старался.

И все же при встрече с ней в той жалкой общей комнатке в Вандербильте ничто не могло уберечь его от шока. Комната была маленькой, но с высоким потолком, тремя высокими окнами, выходящими на двор в форме подковы, и двумя узкими дверями, ведущими в спальни. Первокурсницы только что заселились, и везде царил характерный легкий хаос: пол был заставлен коробками, и у девушек почти не было мебели, кроме шаткого светильника и просевшего кресла, придвинутого к давно не работающему камину. Мускулистая блондинка в беговых

шортах – как он догадался, Лорен (скорее всего, из мединститута, хорошие оценки, капитан команды по хоккею на траве в своей филадельфийской подготовительной школе) – устанавливала на краю подоконника вертушку в винтажном стиле. Рядом стоял пластиковый ящик с пластинками. Кресло, привезенное из округа Бакс в Нью-Хейвен на грузовике, скорее всего, тоже принадлежало Лорен. Анна Брин (Хантсвилль, Техас; стипендия точных наук; солистка хора) сидела на полу, пытаясь собрать что-то похожее на книжную полку. Этой девушке было определенно не суждено вписаться в коллектив. Дарлингтон подумал, что она, скорее всего, начнет петь в какой-нибудь группе, а, может, ударится в религию. Что-что, а ходить по вечеринкам вместе с соседками по общаге она явно не станет.

Из одной из спален, неуклюже неся видавший виды рабочий стол, вышли еще две девушки.

– Обязательно ставить это здесь? – угрюмо спросила Анна.

– Нам нужно больше места, – сказала девушка в цветочном сарафане, которую, насколько знал Дарлингтон, звали Мерси Цао (фортепьяно; 800 по математике; 800 по навыкам устной речи; удостоенные наград сочинения о Рабле и причудливое, но убедительное сравнение абзаца из «Шума и ярости» с эпизодом о грушевом дереве из «Кентерберийских рассказов», привлекшее внимание кафедры английского в Йеле и Принстоне).

А потом из темного уголка спальни, удерживая худыми руками край стола, показалась Гэлакси Стерн (аттестат старшей школы отсутствует; диплом об общеобразовательной подготовке отсутствует; какие-либо достижения, помимо того, что ей удалось пережить свои невзгоды, отсутствуют). Одета она была в рубашку с длинными рукавами и черные джинсы, совершенно неуместные в такую жаркую погоду. На зернистом видео Сэндоу видны были ее гладкие, прямые, густые черные волосы, но не отточенность черт ее лица, не пустота и чернильная темнота ее глаз. Она выглядела истощенной, и под ее рубашкой выпирали острые, как восклицательные знаки, ключицы. В ней не было влажного блеска, только унылая сырость – не Ундина, всплывающая на поверхность, а скорее саблезубая русалка.

А может, ей просто нужно было перекусить и хорошенько выспаться.

Ладно, Стерн. Давай приступим.

Когда они поставили стол в углу комнаты отдыха, Дарлингтон постучал в дверь, вошел и широко, весело, доброжелательно улыбнулся.

– Алекс! Твоя мама велела мне тебя проведать. Это я, Дарлингтон.

Секунду она казалась совершенно растерянной, даже охваченной паникой, а потом ответила на его улыбку.

– Привет! Я тебя не узнала.

Хорошо. Она легко приспосабливается.

– Прошу нас представить, – сказала Лорен, глядя на него заинтересованным, оценивающим взглядом, и достала из ящика альбом «A Day at the Races» группы Queen.

Он протянул руку.

– Я Дарлингтон, кузен Алекс.

– Ты тоже из Джонатана Эдвардса? – спросила Лорен.

Дарлингтон помнил эту странную приверженность. В начале года всех первокурсников распределяли по корпусам колледжей, где они ели и спали, пока не покидали Старый кампус на втором курсе. Им предстояло купить шарфы цветов своих колледжей, выучить их кричалки и девизы. Как и сам Дарлингтон, Алекс принадлежала «Лете», но ее распределили в колледж Джонатана Эдвардса, названный в честь сурового проповедника.

– Я из Дэвенпорта, – сказал Дарлингтон. – Но я не живу в кампусе.

Ему нравилось жить в Дэвенпорте, нравилась столовая, просторная лужайка во дворе. Но ему не нравилось, что «Черный вяз» пустует, и денег, которые он сэкономил на прожива-

нии и питании, хватило, чтобы отремонтировать протечку, обнаруженную им в бальном зале прошлой весной. Кроме того, Космо любил общение.

– У тебя машина есть? – спросила Лорен.

Мерси рассмеялась:

– О боже, ну ты даешь.

Лорен пожала плечами.

– А как еще нам добраться до «Икеи»? Нам нужен диван.

Очевидно было, что она станет в их компании заводилой: это она будет выбирать, на какие вечеринки им ходить, она убедит их устроить тусовку на Хэллоуин.

– Извините, – с виноватой улыбкой сказал Дарлингтон. – Я не смогу вас отвезти. По крайней мере, сегодня.

«И никогда», – мысленно добавил он.

– А еще мне нужно украсть у вас Алекс.

Алекс вытерла ладони о джинсы.

– Мы тут пытаемся разобрать вещи, – нерешительно, даже с надеждой сказала она.

Он заметил круги пота у нее под мышками.

– Ты обещала, – подмигнув, сказал он. – И ты знаешь, как серьезно моя мать относится к семейным делам.

Он увидел вспышку неподчинения в ее масляных глазах, но сказала она только:

– Ладно.

– Можешь оставить нам наличных на диван? – спросила ее Лорен, небрежно засунув пластинку Queen назад в ящик.

Он понадеялся, что это не оригинальный винил.

– А то, – сказала Алекс и повернулась к Дарлингтону: – Тетя Айлин ведь обещала раскошелиться на новый диван?

Мать Дарлингтона звали Харпер, и он сомневался, что ей вообще известно, что такое «Икея».

– Серьезно?

Алекс скрестила руки на груди.

– Ага.

Дарлингтон вынул из заднего кармана бумажник и отстегнул триста долларов наличными. Он протянул деньги Алекс, а та отдала их Лорен.

– Не забудь написать ей благодарственную записку, – сказал он.

– Ой, обязательно, – сказала Алекс. – Я же знаю, как для нее важны приличия.

Когда они шли по газонам Старого кампуса, оставив позади красные кирпичные башни и зубцы Вандербильта, Дарлингтон сказал:

– Ты должна мне триста долларов. Я не собираюсь покупать тебе диван.

– Ты можешь себе это позволить, – невозмутимо сказала Алекс. – Похоже, ты из преуспевающей ветви семьи, братан.

– Я нашел тебе оправдание для частых встреч со мной.

– Брехня. Ты меня испытывал.

– Испытывать тебя – моя работа.

– Я думала, твоя работа – меня учить. Это не одно и то же.

По крайней мере, она не глупа.

– Справедливо. Но визитами к дорогой тете Айлин можно будет иногда объяснять твои поздние возвращения.

– Насколько поздние?

В голосе ее чувствовалось беспокойство. Что это, осторожность или лень?

– Много тебе рассказал декан Сэндоу?

– Не особо.

Она оттянула рубашку от живота, пытаясь проветриться.

– Почему ты так одета?

Он не собирался спрашивать, но ей было явно неудобно в застегнутой на все пуговицы черной рубашке с расплывающимися темными кругами пота под мышками, и выглядела она совершенно неуместно. Девушка, умеющая так гладко лгать, должна получше разбираться в маскировке.

Алекс только покосилась на него.

– Я очень скромная.

Не найдясь с ответом, Дарлингтон показал на одно из двух неотличимых друг от друга зданий из красного кирпича по обеим сторонам дорожки.

– Это старейшее здание в кампусе.

– А так и не скажешь.

– Его поддерживают в хорошем состоянии. Но его чуть не уничтожили. Люди решили, что оно портит вид Старого кампуса и хотели его снести.

– Так чего не снесли?

– Книги приписывают все заслуги кампании за сохранение памятников архитектуры, но на самом деле «Лета» выяснила, что оно несущее.

– Несущее что?

– Оно несущее в духовном смысле. Оно являлось необходимой частью старого ритуала, оберегающего кампус.

Они повернули направо, в сторону псевдосредневековой опускной решетки Ворот Фелпса.

– Так раньше выглядел весь колледж, – продолжал Дарлингтон. – Небольшие здания красного кирпича. Колониальные. Во многом похоже на Гарвард. Потом, после Гражданской войны, возвели стены. Теперь большая часть кампуса представляет собой россыпь запирающихся и обнесенных стенами фортов. Что-то вроде главной башни замка.

Отличным примером был Старый кампус – внушительный четырехугольник высоких каменных общежитий, окружающий огромный солнечный двор, вход в который был открыт для всех, пока не спускалась ночь, и ворота не закрывались.

– Зачем? – спросила Алекс.

– Чтобы отвадить чернь. После войны солдаты возвращались в Нью-Хейвен одичавшими. Большинство из них были холостыми, многие получили увечья в боях. К тому же прошла волна иммиграции. Ирландцы, итальянцы, освобожденные рабы – все искали работу в промышленности. Йелю все это было не нужно.

Алекс рассмеялась.

– Что тебя насмешило? – спросил он.

Она оглянулась на свое общежитие.

– Мерси – китаянка. Рядом с нами живет нигерийка. Плюс я, полукровка. Все мы так или иначе сюда пробрались. Со временем.

– Это была долгая изнурительная осада.

Слово «полукровка» показалось Дарлингтону опасной наживкой. Черные волосы, черные глаза, кожа с оливковым отливом – она могла быть гречанкой. Мексиканкой. Белой.

– Мать – еврейка, никаких упоминаний об отце. Но я полагаю, что он у тебя был?

– Никогда его не знала.

Здесь скрывалась какая-то история, но он не собирался давить.

– Есть темы, думать о которых никому из нас не хочется.

Они дошли до Ворот Фелпса – большого гулкого сводчатого прохода, ведущего на Колледж-стрит, прочь от относительной безопасности Старого кампуса. Ему не хотелось отвлекаться. Им предстояло преодолеть слишком большое – буквально и образно – расстояние.

– Это Нью-Хейвен Грин, – сказал он, когда они зашагали по одной из каменных дорожек. – Когда была основана колония, здесь построили молитвенный дом. Город должен был стать новым Эдемом, заложенным между двух рек, как между Тигром и Ефратом.

Алекс нахмурилась.

– Зачем столько церквей?

На лужайке их было три: две в федеральном стиле, почти одинаковые, а третья – жемчужина неоготики.

– Почти в каждом квартале этого города есть церковь. Или раньше была. Сейчас некоторые из них закрываются. Люди их попросту не посещают.

– А ты? – спросила она.

– А *ты*?

– Нет.

– Да, посещаю, – сказал он. – Это семейная традиция.

Он заметил в ее взгляде тень осуждения, но объясняться было излишне. По воскресеньям церковь, по понедельникам работа – так было принято у Арлингтонов. Когда Дарлингтону исполнилось тринадцать и он заявил, что готов рискнуть гневом Господним ради пары лишних часов сна, дед схватил его за ухо и силком вытащил из постели, несмотря на свои восемьдесят лет.

«Мне все равно, во что ты веришь, – сказал он. – Работяги верят в Бога и ожидают от нас того же, так что ты либо оденешься и дотащишь свою задницу до церкви, либо я выпорю ее так, что живого места не останется».

Дарлингтон пошел в церковь. И продолжал ходить туда после смерти деда.

– Этот парк – место первой в городе церкви и первого кладбища. Это источник колоссальной силы.

– Ага… Охренеть.

Он заметил, что ее плечи расслабились и опустились. Изменилась и ее походка. Уже не казалось, что она собирается с силами перед ударом.

– Что ты видишь? – стараясь не выдавать чрезмерного любопытства, спросил Дарлингтон.

Она не ответила.

– Я знаю, что ты умеешь. Это не секрет.

Взгляд Алекс оставался далеким, почти безучастным:

– Тут пусто, вот и все. Вообще-то на кладбищах я никогда не вижу ничего такого.

Ничего такого. Дарлингтон огляделся по сторонам, но увидел только то, что увидел бы любой: студентов и людей, работающих в суде и магазинах на Чепэл-стрит, вышедших на солнышко в обеденный перерыв.

Он знал, что дорожки, которые пересекали парк, казалось бы, как попало, были распланированы группой франкмасонов в попытке ублажить и удержать мертвецов, когда кладбище перенесли за несколько кварталов отсюда. Он знал, что их разметку – или пентаграмму, мнения разнились, – видно с высоты. Он знал, где ураган «Сэнди» повалил дуб Линкольна, и что в корнях дерева обнаружили скелет – одно из многих тел, которые так и не перенесли на кладбище на Гров-стрит. Благодаря этим своим знаниям он видел Нью-Хейвен по-другому, и они достались ему не случайно: он обожал этот город. Но никакая любовь не позволяла ему видеть Серых. Увидеть их можно было, только приняв «Оросчерио» – очередное чудо-средство из Золотого блюда. Дарлингтон вздрогнул. Каждый раз, выпивая эликсир, он рисковал: его тело могло попросту сказать «хватит», у него могли отказать почки.

– В том, что ты их здесь не видишь, нет ничего удивительного, – сказал он. – Кое-что может привлечь их на кладбища и в места захоронения, но, как правило, они держатся от них подальше.

Ему наконец удалось привлечь ее внимание. Если до этого в ее глазах читались только сдержанность и настороженность, то теперь в них впервые вспыхнул искренний интерес.

– Почему?

– Серые любят жизнь и все, что напоминает им о том, каково быть живыми. Соль, сахар, пот. Драки и секс, слезы, кровь и сильные эмоции.

– Я думала, соль их отваживает.

Дарлингтон приподнял бровь:

– Ты это по телевизору видела?

– Ты предпочел бы, чтобы я прочла это в какой-нибудь древней книжке?

– Честно говоря, да.

– Какая жалость.

– Соль – это очиститель, – сказал он, когда они переходили Темпл-стрит, – поэтому она эффективно изгоняет демонов, хотя, к моему великому сожалению, мне лично честь проводить экзорцизм никогда еще не выпадала. Но, если говорить о Серых, начертить соляной круг – все равно что оставить лизунец оленям.

– Тогда что их отваживает?

В ее словах звенело неравнодушие. Так вот что ее интересует.

– Костяная пыль. Кладбищенская земля. Остатки праха из крематория. Memento mori, – он взглянул на нее. – Латинский знаешь?

Она покачала головой. Конечно, нет.

– Они ненавидят все связанное со смертью. Если хочешь защитить свою комнату от Серых, повесь гравюру Гольбейна.

Он всего лишь хотел пошутить, но заметил, что она обдумывает его слова, запоминает имя художника. Дарлингтон ощутил острый укол чувства вины, и ему это не понравилось. Он так завидовал таланту этой девушки, что даже не задумался, каково жить, не имея возможности прогнать мертвецов.

– Я могу защитить твою комнату, – сказал он. желая загладить свою вину. – Если хочешь, даже все общежитие.

– Ты можешь это сделать?

– Да, – ответил он. – И тебя могу научить.

– Расскажи мне все остальное, – сказала Алекс.

После выхода из сумеречной пещеры общежитий пот образовал лоснящуюся пленку на ее носу и лбу, собрался в углублении над верхней губой. Дарлингтон понимал, что еще немного, и ее рубашка промокнет насквозь, и, судя по тому, как она прижимала руки к бокам, она этого стеснялась.

– Ты прочла «Жизнь Леты»?

– Да.

– Правда?

– Пролистала.

– Почитай, – сказал он. – Я составил список других материалов, которые помогут тебе разобраться в основах. По большей части это книги по истории Нью-Хейвена и наша собственная сводная история обществ.

Алекс резко качнула головой.

– Я имею в виду, скажи мне, что ждет здесь меня… с тобой.

Ответить на этот вопрос было непросто. Ничего. Все. «Лета» должна была быть даром, но сможет ли она стать даром для нее? Ему предстояло о многом рассказать.

Они вышли из парка, и Дарлингтон заметил, что ее плечи снова напряглись, хотя своими глазами и не мог увидеть, по какой причине. Они прошли мимо банков на Элм-стрит, миновали «Кебабиан» – красный магазинчик ковров, торговля в котором процветала в Нью-Хейвене больше ста лет, – и свернули на Оранж. Они находились всего в паре кварталов от кампуса, но казалось, что за много миль. Сутолока студенческой жизни исчезла, словно, выйдя в город, они упали со скалы. На улицах соседствовали новизна и старина: слегка обветшавшие таунхаусы, пустые парковки, бережно восстановленный концертный зал, исполинская многоэтажка жилищного управления.

– Почему здесь? – спросила Алекс, когда Дарлингтон не ответил на ее предыдущий вопрос. – Что именно привлекает их в этом месте?

Коротким ответом было: «Кто знает?» Но он сомневался, что этот ответ вызовет у нее доверие к нему и «Лете».

– В начале девятнадцатого века маги, а вместе с ними и магия, покидали Европу и переезжали из Старого света в Новый. Им нужно было место, где они могли бы сохранить свои знания и сберечь ритуалы. Никто точно не знает, почему лучшим местом для этого стал Нью-Хейвен. Они испробовали и другие города, – с гордостью сказал Дарлингтон. – Кембридж. Принстон. Но именно в Нью-Хейвене магия прижилась и пустила корни. Некоторые считают, что причина в том, что здесь Покров тоньше, и через него легче пройти. Теперь ты видишь, почему «Лета» рада тебя принять.

По крайней мере, некоторые ее члены.

– Возможно, тебе удастся ответить на наши вопросы, – продолжал он. – Некоторые Серые были здесь задолго до университета.

– И эти маги решили, что будет умно научить своим фокусам кучку деток из колледжа?

– Взаимодействие со сверхъестественным негативно сказывается на здоровье. Чем старше ты становишься, тем тяжелее его переносишь. Поэтому каждый год общества пополняют свои ряды новыми студентами, новой делегацией. Магия – буквально вымирающее искусство, и Нью-Хейвен – одно из немногих мест в мире, где его по-прежнему можно вызвать к жизни.

Алекс молчала. Он ее напугал? Хорошо. Возможно, она все-таки прочтет заданные им книги вместо того, чтобы их пролистывать.

– Сейчас в Йеле более ста обществ, но большинство из них нас не интересует. Они собираются на ужины, делятся друг с другом подробностями своих биографий, немного занимаются общественной деятельностью. Но значение имеет только Древняя Восьмерка. Общества, владеющие землей. Дома Покрова. Те, что сохранили право собственности на свои гробницы.

– Гробницы?

– Готов поспорить, что некоторые из них ты уже видела. Это клубы, хотя выглядят они скорее как мавзолеи.

– А почему нас не интересуют другие общества? – спросила она.

– Нас интересует сила, а сила связана с местом. Каждый Дом Покрова избрал определенную сферу магии, посвятив себя ее изучению, и каждый возвел свою гробницу над нексусом силы. Кроме «Берцелиуса», а до него никому нет дела.

Члены «Берцелиуса» основали свое общество в ответ на распространение магии в Нью-Хейвене. Они занимались инвестициями в новые технологии и утверждали, что члены других Домов – шарлатаны и суеверные дилетанты. Согласно их философии, единственной истинной магией была наука. Они кое-как пережили биржевой крах 1929 года без помощи предсказаний и с грехом пополам перебивались до краха 1987 года, после которого практически исчезли с лица земли. Как оказалось, единственной истинной магией является магия.

– *Нексус*, – повторила Алекс. – И эти самые нексусы разбросаны по всему кампусу?

– Представь, что магия – это река. В нексусах сила образует водовороты, и благодаря им ритуалы обществ срабатывают. Мы нашли в городе двенадцать нексусов. Над восьмью из них были возведены гробницы. Остальные находятся там, где уже стоят здания, например, железнодорожная станция, и там, где строить невозможно. Несколько обществ со временем лишились гробниц. Сколько бы они ни изучали магию, связь была разорвана, и многого они не достигали.

– Хочешь сказать, все это творилось больше ста лет, и никто не пронюхал?

– Из Древней Восьмерки вышли некоторые из самых влиятельных мужчин и женщин в мире. Люди, которые буквально управляют правительствами, бюджетами целых наций, которые определяют направление развития культуры. Они руководили всем – от ООН до Конгресса, «Нью-Йорк Таймс» и Всемирного банка. Они определяли исход почти всех Мировых серий в бейсболе, супербоулов, премий Американской киноакадемии и как минимум одних президентских выборов. Сотни сайтов обвиняют их в связях с фримасонами, иллюминатами, Бильдербергской группой и так далее.

– Может, если бы они собирались в каком-нибудь ресторанчике вместо гигантских мавзолеев, им не пришлось бы об этом волноваться.

Они дошли до Il Bastone – трехэтажного дома «Леты» из красного кирпича с витражными стеклами, построенного Джоном Андерсоном в 1882 году за бешеные деньги и брошенного всего через год. Он утверждал, что его выжили из города высокие налоги. В летописях «Леты» сохранилась другая история с участием его отца и призрака мертвой продавщицы сигар. В отличие от «Черного вяза», Il Bastone не занимал огромную территорию. Это высокое, но сдержанное в своем великолепии городское здание по обеим сторонам близко соседствовало с другими домами.

– Они и не волнуются, – сказал Дарлингтон. – Все эти конспирологические теории и кретины в шапочках из фольги им только на руку.

– Потому что им нравится чувствовать себя в центре внимания?

– Потому что их настоящие занятия гораздо хуже, чем то, в чем их подозревают, – Дарлингтон подтолкнул черную чугунную калитку. Крыльцо старого дома слегка выпрямилось, словно в предвкушении. – После тебя.

Как только калитка закрылась, их поглотила темнота. Откуда-то из-под дома раздался пронзительный голодный вой. Гэлакси Стерн спрашивала, что ее ждет. Пришло время ей показать.

3

Зима

Как можно погибнуть в спорткомплексе? После звонка Доуз Алекс пошла по площади в обратную сторону. Она была в спорткомплексе Пейна Уитни всего однажды – когда Мерси затащила ее на урок сальсы, где белая девица в тесных черных легинсах велела ей крутиться вокруг своей оси.

Дарлингтон настоятельно советовал ей заниматься со свободными весами и «развивать кардиосистему».

«Чего ради?» – спросила Алекс.

«Ради самосовершенствования».

Только Дарлингтон мог ляпнуть такое с невозмутимым видом. С другой стороны, сам он каждое утро пробегал шесть миль и был окутан облаком физического совершенства. Каждый раз, как он приходил к ним в Вандербильт, наэлектризовывалось все общежитие. Лорен, Мерси и даже молчаливая, хмурая Анна выпрямляли спины и становились бодрыми и слегка суматошными, как ручные белки. Алекс хотелось бы обладать иммунитетом против этого всего – его красивого лица, подтянутого тела, уверенной непринужденности. Когда он рассеянно откидывал со лба каштановые волосы, хотелось сделать это за него. Дарлингтон был привлекателен, но в то же время вызывал у нее здоровый страх. По большому счету, он был богатеньким мальчишкой в хорошем пальто, который мог уничтожить ее, даже этого не заметив.

В тот первый день в особняке на Оранж он натравил на нее шакалов. *Шакалов.* Он резко свистнул, и они с рычанием и гоготом выпрыгнули из кустов возле дома. Алекс закричала. Она развернулась, чтобы убежать, но споткнулась и упала в траву, чуть не напоровшись на низкую железную ограду. Начав общаться с Леном, она научилась всегда наблюдать за вожаком. Лидер мог меняться от комнаты к комнате, от дома к дому, от сделки к сделке, но знать, кто принимает решения, всегда было полезно. Сейчас это был Дарлингтон. И Дарлингтон не выглядел испуганным. Он выглядел заинтересованным.

Шакалы, пуская слюни, кружили вокруг нее с оскаленными зубами и выгнутыми спинами.

Они походили на лис. На койотов, заправлявших Голливудскими холмами. На *гончих.*

Мы пастыри.

«Дарлингтон, – с напускным спокойствием сказала она. – Отзови своих гребаных собак».

Он произнес несколько непонятных ей слов, и вся агрессия животных улетучилась. Твари исчезли в кустах, подпрыгивая и покусывая друг друга за лапы. Он имел наглость улыбнуться, протягивая ей свою изящную руку. Девушке из Ван-Найс, живущей у нее внутри, захотелось шлепнуть по ней, придушить его, расквитаться. Но она заставила себя принять его руку, позволила ему помочь ей подняться. Так начался очень долгий день.

Когда Алекс наконец вернулась к себе в общежитие, Лорен, выдержав от силы секунд шестьдесят, бросилась на нее с вопросом:

«Ну, так у твоего кузена есть девушка?»

Они сидели вокруг нового кофейного столика и вкручивали в него маленькие пластиковые шурупы, чтобы ножки не шатались. Анна где-то пропадала, а Лорен заказала пиццу. За открытым окном сгущались сумерки, в комнату задувал легкий ветерок, и Алекс казалось, будто она стоит во дворе и наблюдает за собой со стороны – за счастливой, нормальной девуш-

кой, окруженной людьми, у которых было будущее и которые считали, что будущее есть и у нее. Ей захотелось удержать это чувство, приберечь его для себя.

«Вообще-то… Я понятия не имею», – весь этот день Алекс так нервничала, что ей и в голову не пришло его об этом спросить.

«От него пахнет деньгами», – сказала Мерси.

Лорен бросила в нее отверткой:

«Дешевка».

«Не надо встречаться с моим кузеном, – сказала Алекс, потому что так бы ответила девушка их круга. – Мне этот хаос не сдался».

Сейчас, когда ночной ветер задувал под ее зимнее пальто, Алекс вспомнила ту окутанную золотистым светом девушку, сидящую в священном кругу. На ее памяти это было последнее мирное мгновение. С тех пор прошло всего пять месяцев, но казалось, что гораздо больше.

Она пошла вдоль белых колонн южной стороны здания просторной столовой, которую все по-прежнему называли Общиной, хотя теперь ее переименовали в Центр Шварцмана. Шварцман был Костлявым выпуска 1969 года и управлял скандально известным частным инвестиционным фондом «Blackstone Group». Переименование произошло в результате сделанного им пожертвования в пользу университета: сто пятьдесят миллионов долларов были даром и своего рода извинением за то, что при проведении несанкционированного ритуала на свободу вырвалась магия, вызвавшая у половины Йельского оркестра неадекватные реакции и судороги во время матча по американскому футболу с Дартмутом.

Алекс вспомнились распахнутые рты Серых в анатомическом театре. Это было рядовое предсказание. Все должно было пройти как по маслу, но явно не прошло, хоть она и была единственной, кому это известно. И теперь она должна расследовать убийство? Она знала, что Дарлингтон и Доуз следили за делами об убийствах в окрестностях Нью-Хейвена – просто чтобы убедиться, что не попахивает мистикой, что какое-нибудь из обществ не перегнуло палку и не превысило полномочия.

Серые, маячившие сейчас перед Алекс, казались жидкой похлебкой, которая перемещалась над крышей юридического колледжа, растекаясь и сворачиваясь, как налитое в кофе молоко. Их притягивала смесь страха и честолюбия. Справа от нее высилась гигантская белая гробница «Книги и змея». Из всех зданий, принадлежащих обществам, она больше всего походила на склеп. «Греческий фронтон, ионические колонны. Банальщина», – говорил Дарлингтон. Восхищение он приберегал для мавританской плитки и рольверков «Свитка и ключа», а также строгих очертаний «Манускрипта», характерных для середины века. Но взгляд Алекс всегда притягивала ограда вокруг «Книги и змея» из кишащего змеями темно-серого чугуна. «Это символ Меркурия, бога торговли», – говорил Дарлингтон.

Меркурий был богом воров. Это знала даже Алекс. Меркурий был предвестником.

Перед ней простиралось кладбище на Гров-стрит. Алекс заметила перед одной из могил рядом со входом кучку Серых. Скорее всего, кто-то оставил печенье для почившего родственника или какую-нибудь сладость в качестве дара одному из похороненных здесь художников или архитекторов. Но в остальной части кладбища, как и на всех кладбищах по ночам, призраков не было. Днем Серых привлекали соленые слезы и душистые цветы скорбящих, дары, оставленные живыми мертвецам. Как ей стало известно, они любили все, что напоминало им о жизни. Пролитое пиво и шумный смех во время вечеринок братств; библиотеки в период экзаменов, полные тревоги, кофе и открытых банок сладкой, приторной колы; комнаты в общагах, наэлектризованные от сплетен, пыхтящих парочек, мини-холодильников, набитых начинающей портиться едой, ворочающихся студентов, которым снился секс и кошмары. « *Вот где я должна находиться сейчас,* – подумала Алекс, – *в общаге, мыться в грязной ванной, а не расхаживать по кладбищу посреди ночи».*

Своими толстыми колоннами с высеченными на них цветками лотоса ворота кладбища напоминали египетский храм. У основания ворот было огромными буквами написано: «МЕРТВЫЕ ВОСКРЕСНУТ.». Дарлингтон называл точку в конце этого предложения самым красноречивым знаком препинания во всем английском языке. Надпись на воротах была еще одной загадкой, которую Алекс пришлось разгадать, еще одним шифром, в котором пришлось разобраться. Оказалось, это цитата из Библии: «Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся».

«Нетленными» – увидев это слово, она поняла, чему ухмылялся Дарлингтон. Мертвые-то воскреснут, но насчет нетленности кладбище на Гров-стрит ничего не обещало. В Нью-Хейвене лучше было не рассчитывать на гарантии.

Сцена перед спорткомплексом Пейна Уитни напомнила Алекс анатомический театр: полицейские прожекторы освещали снег, отбрасывая на землю резкие тени зевак. Зрелище походило на черно-белую литографию и выглядело бы прекрасно, если бы впечатление не портили желтая оградительная лента и ленивые, ритмичные вспышки синих и красных огней, исходившие от патрульных машин, которые перекрывали перекресток, где пересекались две улицы. Казалось, все оживление было сосредоточено в треугольнике голой земли в его центре.

Алекс увидела фургон коронера с открытыми задними дверцами; полицейских в форме, стоящих навытяжку по периметру; мужчин-криминалистов в синих куртках, как их изображали в сериалах; студентов, несмотря на поздний час высыпавших из общаг, чтобы посмотреть, что происходит.

С тех пор, как Алекс связалась с Леном, она стала остерегаться копов. Когда она была помладше, он часто поручал ей доставку наркоты, потому что ни охранники кампуса, ни полицейские Лос-Анджелеса не стали бы останавливать пухлую девочку с косичками, разыскивающую старшую сестру в кампусе старшей школы. Но, повзрослев, она утратила невинный вид.

Даже когда при себе у нее ничего не было, она научилась держаться от копов подальше. Некоторые из них словно чувствовали, что от нее пахнет неприятностями. Но сейчас она направилась к ним, приглаживая волосы рукой в перчатке, – всего лишь очередная студентка.

Заметить Центуриона было несложно. Прежде Алекс встречалась с детективом Авелем Тернером всего однажды. Он улыбался и был любезен, и она мгновенно убедилась, что он ненавидит не только ее, но и Дарлингтона, и все, связанное с «Летой». Она не совсем понимала, почему его избрали Центурионом и какова связь между Домом Леты и начальником полиции, но он к этому посту явно не стремился.

Тернер разговаривал с двумя коллегами: еще одним детективом и полицейским. Это был черный мужчина с выбритыми висками и затылком, возвышающийся над обоими не меньше, чем на полголовы. На нем был стильный синий костюм и пальто – скорее всего, от «Burberry». Он так и лучился честолюбием. «*Слишком смазливый,* – сказала бы бабушка Алекс. – *Quien se prestado se vestio, en medio de la calle se quito».* Эстреа Стерн не доверяла красивым мужчинам, в особенности хорошо одетым.

Алекс потопталась у ограждения. Центурион оказался на месте преступления, как и обещала Доуз, но Алекс не знала ни как привлечь его внимание, ни что делать, когда ей это удастся. Общества собирались по четвергам и воскресеньям. Проведение ритуалов или любых других рискованных мероприятий не допускалось в отсутствие делегатов Дома Леты, но это не значило, что никто не мог отступить от сценария. Возможно, прошел слух, что Дарлингтон «в Испании», и кто-то из членов одного из обществ воспользовался шансом впутаться во что-то новое. Вряд ли этот кто-то замышлял что-то дурное, но триппы и миранды этого мира способны наделать бед без всякого злого умысла. Ошибки всегда сходили им с рук.

Толпа вокруг нее почти сразу расступилась, и Алекс вспомнила, как плохо от нее, должно быть, пахнет, но сейчас она ничего не могла с этим поделать. Она достала телефон и начала про-

сматривать немногие контакты в своей записной книжке. Приняв предложение «Леты» и разом порвав со всеми, кого знала в прошлой жизни, она получила новый мобильник, так что список номеров был коротким. Ее соседки. Ее мама, которая каждое утро присылала ей множество счастливых рожиц, как будто эмоджи были ее личным заклинанием. В списке присутствовал и Тернер, но Алекс никогда раньше ему не писала – у нее никогда не было причин.

«Я здесь», – напечатала она и, предположив, что он, скорее всего, не удосужился добавить ее в контакты, приписала: «*Это Данте*».

Тернер достал из кармана телефон, прочел сообщение. По сторонам он не оглядывался.

Через секунду ее телефон завибрировал.

«Я знаю».

Алекс подождала десять минут, двадцать. Она видела, как Тернер закончил разговор с полицейскими, побеседовал с какой-то женщиной в синей куртке, побродил рядом с оцепленным участком, где, должно быть, нашли тело.

Рядом со спорткомплексом ошивалась кучка Серых. Алекс вскользь посмотрела в их сторону, стараясь не останавливать на них взгляд. Некоторые из них были местными Серыми, которых всегда можно было встретить в этом квартале: утонувший рядом с Флорида-Кис гребец, теперь обитавший в учебных бассейнах; коренастый мужчина, который явно когда-то был регбистом. Ей показалось, что она заметила Жениха – самого знаменитого призрака в городе. Он был фаворитом любителей историй, связанных с убийствами, и путеводителей «Призраки Новой Англии»; известность он снискал тем, что убил свою невесту и себя в конторе фабрики, когда-то расположенной не дальше, чем в миле отсюда. Алекс не решилась задержать на нем взгляд, чтобы убедиться в своей правоте. Источающий пот и физическую нагрузку, полный голода и колотящихся сердец спорткомплекс Пейна Уитни всегда был магнитом для Серых.

«Когда ты впервые их увидела?» – спросил ее Дарлингтон в день их знакомства. В день, когда натравил на нее шакалов. Дарлингтон знал семь языков. Умел фехтовать. Владел бразильским джиу-джитсу, умел менять проводку в щитке, цитировал стихи и пьесы авторов, о которых Алекс никогда не слышала. Но всегда задавал не те вопросы.

Алекс сверилась с телефоном. Она потеряла еще час. Было уже так поздно, что смысла ложиться спать этой ночью, пожалуй, не оставалось. Она знала, что находится далеко не на первом месте в списке приоритетов Тернера, но выхода у нее не было.

Она напечатала: «*Мой следующий звонок будет Сэндоу*».

Это был блеф, и Алекс почти надеялась, что Тернер на него не купится. Если он откажется с ней разговаривать, она с радостью настучит на него декану – но в более приличное время. Сначала она отправится домой и проспит два прекрасных часа.

Вместо этого она стояла и смотрела, как Тернер достает из кармана телефон, качает головой и не спеша подходит к ней. Он слегка наморщил нос, но сказал только:

– Мисс Стерн, чем я могу вам помочь?

Вообще-то Алекс не знала, но он дал ей достаточно времени, чтобы сформулировать ответ:

– Я здесь не для того, чтобы доставлять вам неприятности. Я здесь, потому что мне так велели.

Тернер довольно убедительно хохотнул.

– У нас у всех есть работа, мисс Стерн.

Я почти уверена, что ты сейчас мечтаешь, чтобы в твои обязанности входило свернуть мне шею.

– Я это понимаю, но сейчас ночь четверга.

– Которому предшествовала среда и за которым последует пятница.

Ну-ну, строй из себя идиота.

Алекс с радостью бы с ним распрощалась, но ей нужно было написать что-то в отчете.

– Есть причина смерти?

– Конечно, что-то вызвало ее смерть.

Вот мудозвон.

– Я имела в виду…

– Я знаю, что вы имели в виду. Пока нет ничего определенного, но, когда нам станет известно больше, я обязательно сообщу декану.

– Если замешано какое-то из обществ…

– У нас нет причин это подозревать, – словно на пресс-конференции, он добавил: – В настоящий момент.

– Сейчас *четверг*, – повторила она.

Хотя общества собирались дважды в неделю, ритуалы дозволялось проводить только по четвергам. Воскресенья предназначались для «тихих занятий и изысканий», что обычно означало изысканную еду, подаваемую на дорогих блюдах, время от времени приглашенного докладчика и кучу алкоголя.

– Вы сегодня гуляли с идиотами? – по-прежнему любезным тоном спросил он. – Это поэтому от вас пахнет, как от разогретого дерьма? С кем проводили время?

Скандальная, напрашивающаяся на проблемы часть Алекс заставила ее сказать:

– Вы похожи на ревнивого бойфренда.

– Я похож на копа. Отвечайте.

– Сегодня тусовка Костлявых.

Тернер казался озадаченным.

– Скажите им, чтобы вернули череп Иеронима.

– У них его нет, – честно сказала Алекс.

Несколько лет назад наследники Иеронима подали на общество в суд, но процесс ни к чему не привел. Костлявые хранили в банках его печень и тонкую кишку, но ей показалось, что упоминать об этом сейчас было бы некстати.

– Где Дарлингтон? – спросил Тернер.

– В Испании.

– *В Испании?* – елейное выражение впервые исчезло с лица детектива.

– Учится за границей.

– И он оставил вас за главную?

– А то.

– Похоже, он вам очень доверяет.

– А то, – Алекс улыбнулась ему своей самой подкупающей улыбкой, и на секунду ей показалось, что детектив Тернер улыбнется в ответ, потому что один жулик узнает другого. Но он не улыбнулся. Ему слишком часто приходилось соблюдать осторожность.

– Откуда вы, Стерн?

– А вам зачем?

– Слушайте, – сказал он. – Вы, похоже, милая девушка…

– Нет, – сказала Алекс. – Я не милая.

Тернер оценивающе вскинул бровь, склонил голову набок и наконец кивнул, уступая.

– Ладно, – сказал он. – Сегодня у вас есть задача, как и у меня. Вы свое дело сделали. Вы со мной поговорили. Вы сообщите Сэндоу, что здесь умерла девушка – белая девушка, который достанется вдоволь внимания, если вы не будете мешаться у нас под ногами. Мы не собираемся впутывать университет и… все остальное, – он взмахнул рукой так, словно рассеянно прихлопывал муху, а не отмахивался от вековой клики древних магов. – Вы выполнили свой долг и можете идти домой. Вы же этого хотите, разве нет?

Разве Алекс и сама только что не думала о том же? Но она все равно сомневалась. На сердце у нее стало тяжело: Дарлингтон бы ее осудил.

– Да. Но декан Сэндоу захочет знать….

Маска Тернера соскользнула, внезапно продемонстрировав его усталость и гневную реакцию на ее назойливость.

– Она городская, Стерн. Отъебитесь.

Она городская. Не студентка. Не связана с обществами. *Забудь об этом.*

– Ага, – сказала Алекс. – Ну ладно.

Тернер улыбнулся, и на щеках у него показались ямочки. Улыбка была мальчишеской, довольной, почти искренней.

– Ну вот видите.

Он отвернулся от нее и не спеша пошел назад к своим людям.

Алекс подняла глаза на серый готический собор Пейна Уитни. Он был не похож на спорткомплекс, но здесь ничто не выглядело тем, чем являлось. *Вы же этого хотите, разве нет?*

Детектив Авель Тернер понимал ее лучше, чем ее когда-либо понимал Дарлингтон.

Хорошо. Лучше. Лучшее. Вот путь, который приводит сюда. Чего не понимал Дарлингтон и, скорее всего, все остальные усердные, прилежные детишки, так это того, что Алекс хватило бы куда более скромного будущего, чем Йель. Дарлингтон постоянно стремился к идеалу, к чему-то выдающемуся. Он не знал, какой драгоценной может быть нормальная жизнь, как тяжко оставаться в норме. Ты начинаешь спать до полудня, прогуливаешь один урок, один день школы, теряешь одну работу, потом другую, забываешь, как ведут себя нормальные люди. Забываешь язык обычной жизни. А потом, поневоле, попадаешь в страну, откуда нет возврата. Ты живешь в государстве, где земля словно всегда выскальзывает у тебя из-под ног, и тебе не вернуться на твердую почву.

И неважно, что на глазах Алекс делегаты «Черепа и костей» предсказывали товарные сделки с помощью внутренностей Майкла Рейса или что она однажды видела, как капитан команды по лакроссу превратился в мышь-полёвку (он запищал, а потом – она готова была поклясться – затряс крошечным розовым кулачком). Для Алекс «Лета» была дорогой назад к норме. Она не нуждалась в том, чтобы быть исключительной. Она даже не нуждалась в том, чтобы быть хорошей. Достаточно было быть приемлемой. Тернер разрешил. Иди домой. Иди спать. Прими душ. Вернись к настоящим делам – попытайся справиться с учебой и закончить первый курс. В первом семестре оценки Алекс были настолько плохими, что ей дали академический испытательный срок.

Она городская.

Только вот общества обожают задействовать городских девочек и мальчиков в своих экспериментах. Потому-то и существует «Лета». По крайней мере во многом поэтому. И сама Алекс большую часть жизни была *городской.*

Она окинула взглядом фургон коронера, припаркованный частично на тротуаре. Тернер по-прежнему стоял к ней спиной.

Когда люди не хотят, чтобы их заметили, притворяться беззаботными – ошибка. Вместо этого она решительно пошла к фургону, делая вид, что спешит в общагу. В конце концов, было поздно. Обойдя машину, она быстро посмотрела в сторону Тернера и заглянула в широко раскрытые двери фургона. Коронер в форме повернулся к ней.

– Привет, – сказала она.

Он настороженно застыл, чуть пригнувшись и загораживая ей обзор. Алекс подняла одну из двух золотых монет, которые хранила в подкладке пальто:

– Ты уронил.

При виде блеска он машинально потянулся за монетой – отчасти из вежливости, отчасти по привычке. Когда тебе что-то дарят, подарок нужно принять. А еще дело было в рефлексе сороки: его манил блестящий предмет. Она почувствовала себя сказочным троллем.

– Я не думаю… – начал он.

Но как только пальцы коронера сомкнулись на монете, его лицо обмякло. Принуждение возобладало.

– Покажи мне тело, – сказала Алекс, наполовину ожидая, что он откажет.

Она уже видела, как Дарлингтон показывал монету охраннику, но сама ни разу не пользовалась монетой принуждения.

Коронер, и глазом не моргнув, попятился и протянул ей руку. Она забралась в фургон, бросив быстрый взгляд через плечо, и закрыла дверцы. У них мало времени. Меньше всего ей надо было, чтобы водитель или, хуже того, Тернер постучал в дверцы и обнаружил, что она беседует с коронером, стоя над трупом. К тому же, она толком не знала, как долго будет действовать принуждение. Этот магический трюк принадлежал «Манускрипту». Члены общества специализировались на магии зеркала, чарах и внушении. Наложить заклятие можно на что угодно. Самым знаменитым из таких заколдованных предметов был презерватив, убедивший одного распутного шведского дипломата расстаться с конфиденциальными документами.

Чтобы придать таким монетам силу, требовалась колоссальная магия, поэтому в «Лете» они были наперечет, и Алекс берегла выданную ей пару. Почему же она сейчас так легко с одной из них рассталась?

Приблизившись к коронеру в замкнутом пространстве, она заметила, как раздулись его ноздри, когда он ощутил, как от нее пахнет, но его пальцы уже лежали на молнии мешка для трупов, а в другой руке он сжимал монету. Он двигался слишком быстро, словно в перемотке, и Алекс захотелось попросить его просто остановиться на секунду, но мгновение спустя он уже расстегивал мешок. Черный винил разошелся, как фруктовая кожура.

– Господи, – выдохнула Алекс.

Под кожей на хрупком лице девушки проступали голубые вены. Одета она была в белую хлопковую камисоль, рваную и мятую там, куда снова и снова ударял нож. Все раны были сосредоточены в области сердца, и лезвие вонзалось в тело девушки с такой силой, что, видимо, грудина начала ломаться, кости треснули и оставили неглубокую кровавую впадину на ее груди. Алекс внезапно пожалела, что не прислушалась к совету, так прямолинейно высказанному Тернером, и не пошла домой. Это не выглядело, как вышедший из-под контроля ритуал. Это выглядело, как личная месть.

Она сглотнула поднявшуюся к горлу желчь и заставила себя глубоко вдохнуть. Если эта девушка так или иначе пала жертвой одного из обществ или занималась магией, от нее по-прежнему должно было пахнуть Покровом. Но, поскольку в фургоне висела вонь самой Алекс, унюхать, чем пахнет тело, было невозможно.

– Это ее парень.

Алекс взглянула на коронера. Обычно находящиеся под воздействием принуждения из кожи вон лезут, чтобы услужить.

– Откуда ты знаешь? – спросила она.

– Так сказал Тернер. Его уже забрали на допрос. У него есть судимости.

– За что?

– За торговлю и хранение. И у нее тоже.

Разумеется. Парень толкал наркоту, и эта девушка тоже. Но от торговли по мелочи до убийства далеко. «*Иногда,* – напомнила она себе. – *А бывает, что очень даже близко».*

Алекс снова посмотрела на лицо девушки. Та была блондинкой и немного походила на Хелли.

Сходство было едва заметным, по крайней мере внешнее. Но как насчет внутреннего сходства? Во вспоротых ранах все они были одинаковы. Девушки вроде Хелли, девушки вроде Алекс, девушки вроде этой должны вечно бежать, иначе неприятности рано или поздно их настигнут. Эта девушка просто бежала недостаточно быстро.

На ладони девушке надели бумажные пакеты – насколько понимала Алекс, чтобы сохранить улики. Возможно, она оцарапала нападающего.

– Как ее зовут? – это не имело значения, но имя нужно было Алекс для отчета.

– Тара Хатчинс.

Алекс записала его в телефоне, чтобы не забыть.

– Прикрой ее.

Она была рада, когда коронер застегнул мешок с искалеченным телом. Все это было ужасно, мерзко, но это не значило, что Тара была связана с обществами. Люди не нуждаются в магии, чтобы совершать зверства.

– Время смерти? – спросила Алекс. Ей казалось, что это одна из подробностей, которые должны быть ей известны.

– Около одиннадцати. Из-за холода сложно сказать точнее.

Она замерла, взявшись за ручку двери фургона. Около одиннадцати. Как раз, когда два кротких Серых, которые никогда никому не доставляли неприятностей, распахнули пасти, будто решили проглотить весь мир, и что-то попыталось пробиться в меловой круг. Что, если это существо нашло Тару?

Что, если ее парень настолько обдолбался, что решил, будто сможет пырнуть ее ножом прямо в сердце? В мире полно чудовищ. Алекс не раз их встречала. На данный момент она «выполнила свой долг». Более чем.

Алекс приоткрыла дверцу фургона, оглядела улицу и спрыгнула.

– Забудь, что ты меня видел, – сказала она коронеру.

На его лице появилось неопределенное растерянное выражение. Оставив его в ошеломлении стоять рядом с телом Тары, она перешла улицу и двинулась прочь по тротуару, держась темной части улицы, подальше от полицейских прожекторов. Вскоре принуждение должно выветриться, и он спросит себя, как у него в руке оказалась золотая монета. Он положит ее в карман и забудет о ней или выбросит, не сообразив, что металл настоящий.

Алекс оглянулась на Серых, собравшихся вокруг спорткомплекса Пейна Уитни. Возможно, у нее разыгралось воображение, но в том, как они сутулились и жались друг к другу у дверей спорткомплекса, было что-то странное. Она знала, что присматриваться нельзя, но в это мгновение могла поклясться, что они выглядят напуганными. Чего бояться мертвецам?

В памяти у нее звучал голос Дарлингтона: *Когда ты увидела их впервые?* Он спрашивал тихо и запинаясь, словно опасался, что это запретный вопрос. Но настоящий вопрос, правильный вопрос был вот в чем: *Когда ты впервые поняла, что надо их бояться?*

Алекс была рада, что ему не хватило мозгов спросить.

> С чего начать историю «Леты»? Начинается ли она в 1824 году с Вирсавии Смит? Возможно. Но с тех пор и до появления «Леты» миновало еще семьдесят лет и множество трагедий. Пожалуй, лучше обратить взгляд к 1898 году, когда Чарли Бакстера, человека бездомного и незначительного, нашли мертвым с обожженными ладонями, стопами и мошонкой и черным скарабеем на месте языка. Подозрение пало на общества, и те оказались под угрозой со стороны университета. Чтобы покончить с разладом и, откровенно говоря, спастись, Эдвард Харкнесс, член «Волчьей морды», Уильям Пейн Уитни из «Черепа и костей» и Хирам Бингэм Третий из ныне распущенного «Братства акации» создали Лигу Леты в качестве надзорного органа за оккультной деятельностью обществ.
>
> Наша миссия восходит к этим первым собраниям: Наша задача – наблюдать за ритуалами и действиями всех древних обществ, занимающихся магией, ворожбой или изучением потустороннего с целью защиты жителей города и студентов от умственного, физического и духовного вреда и

поощрения дружеских отношений между обществами и администрацией университета.

«Лета» финансировалась из частных средств Харкнесса и обязательных вкладов со стороны трастов каждого из обществ Древней Восьмерки. Наняв Джеймса Гэмбла Роджерса («Свиток и ключ», 1889) для разработки плана Йеля и проектирования многих из его зданий, Харкнесс позаботился, чтобы на территории кампуса были построены убежища и туннели для «Леты».

Прибегнув к знаниям каждого из обществ, Харкнесс, Уитни и Бингэм создали кладезь магии, которым могли пользоваться делегаты «Леты». Этот кладезь значительно обогатился в 1911 году, когда Бингэм отправился в Перу.
Из «Жизни «Леты»: процедуры и протоколы Девятого Дома»

4

Прошлая осень

– Пошли, – сказал Дарлингтон, помогая ей подняться. – В любую секунду иллюзия рассеется, а ты будешь, как пьяница, валяться во дворе, – он почти волоком затащил ее вверх по ступеням на крыльцо. С шакалами она расправилась неплохо, но была слишком бледна и тяжело дышала. – Ты в ужасной форме.

– А ты мудозвон.

– Значит, нам обоим есть над чем поработать. Ты просила рассказать, что тебя ждет. Теперь ты знаешь.

Алекс вырвала у него руку:

– Рассказать. А не попытаться меня убить.

Он в упор посмотрел на нее. Важно, чтобы она поняла.

– Ты не подвергалась никакой опасности. Но я не могу обещать, что так будет всегда. Если ты не будешь воспринимать это всерьез, то можешь навредить себе или другим.

– Например, тебе?

– Да, – сказал он. – Большую часть времени ничего плохого в Домах не происходит. Ты увидишь то, что предпочла бы забыть. В том числе чудеса. Но никто до конца не понимает, что лежит за Покровом и что может случиться, если оно проникнет в мир смертных. «*Ждет темнокрылая смерть, но мы держимся – гоплиты, гусары, драгуны*».

Она уперла руки в бока и посмотрела на него.

– Сам придумал?

– Кэбот Коллинз. Его называли Пиитом «Леты», – Дарлингтон потянулся к двери. – Он потерял обе ладони, когда закрылся межпространственный портал. В это время он читал вслух свое последнее к тому моменту произведение.

Алекс вздрогнула.

– Ладно, все ясно. Плохая поэзия, серьезное дело. Эти собаки настоящие?

– Вполне. Это духовные гончие, обязанные служить сынам и дочерям «Леты». Что прячешь под рукавами, Стерн?

– Следы от уколов.

– Правда? – он подозревал, что так и есть, и все-таки не до конца ей поверил.

Она выпрямилась и размяла спину.

– А то. Заходить будем или как?

Дарлингтон указал подбородком ей на запястье:

– Покажи.

Алекс подняла руку, но рукав закатывать не стала. Она просто протянула ему руку так, словно пришла сдавать кровь, и он собирается нащупать ее вену.

Вызов. Он внезапно понял, что не хочет его принимать. Это не его дело. Он должен ей сказать. Забудь об этом.

Вместо этого он взял ее за узкое, костлявое запястье, а другой рукой закатал ей рукав. Это казалось прелюдией.

Дарлингтон не увидел ни одного следа от укола. Ее кожа была покрыта татуировками: изгибающийся хвост гремучей змеи, золотистый цветок пеона и…

– Колесо, – он устоял перед желанием прикоснуться к рисунку под изгибом ее локтя. Доуз заинтересовал бы этот элемент таро. Возможно, благодаря этой татуировке они нашли бы, о чем поговорить. – Зачем прятать татуировки? Здесь всем на это наплевать.

Татуировки были у половины студентов. Полностью забитые руки были не у каждого, но и это не было редкостью.

Алекс снова опустила рукав:

– Есть еще кольца, через которые мне надо прыгнуть?

– Полно, – он открыл дверь и провел ее внутрь.

В прихожей было темно и прохладно. Проникающий в витражи свет отбрасывал на ковер яркие узоры. Парадная лестница из темного дерева с высеченным на нем орнаментом из подсолнухов вела вдоль стены на второй этаж. Мишель говорила ему, что одна только эта лестница стоит дороже, чем весь дом вместе с участком.

Алекс негромко вздохнула.

– Рада, что оказалась в тени?

Она издала тихий неопределенный звук:

– Здесь спокойно.

Он не сразу сообразил, о чем она.

– Il Bastone под охранным заклинанием. Как и «Конура»… Все так плохо?

Алекс пожала плечами.

– Ну… Здесь они тебя не достанут.

Она с бесстрастным видом огляделась. Неужели ее не впечатлили воспаряющая прихожая, теплое дерево и витражи, запах хвои и кассии, из-за которого, входя в дом, непременно вспоминаешь Рождество? Или она просто притворяется?

– Неплохой клубный домик, – сказала Алекс. – Не слишком похож на гробницу.

– Мы не общество, и порядки у нас другие. Это не клубный дом; это наша штаб-квартира, сердце «Леты» и кладезь знаний в области оккультизма за сотни лет, – Дарлингтон понимал, что разглагольствует, как ужасный зануда, но не мог удержаться. – Общества каждый год принимают новую делегацию из шестнадцати первокурсников – восьми женщин и восьми мужчин. Мы принимаем только одного – нового Данте – каждые *три* года.

– Значит, я в некотором роде особенная.

– Будем надеяться.

При этих словах Алекс нахмурилась, после чего показала на мраморный бюст, стоящий на столе под вешалкой для верхней одежды:

– Это кто?

– Святой покровитель «Леты» Хирам Бингэм Третий.

К сожалению, мальчишеское лицо Бингэма и опущенные уголки его рта не способствовали увековечиванию в камне. Он выглядел, как возмущенный манекен из универмага.

Из гостиной, шаркая, вышла с ног до головы облаченная в бежевое Доуз с наушниками вокруг шеи. Ладони она прятала в рукавах своего свободного свитера. Дарлингтон ощущал исходящее от нее чувство неловкости. Пэмми ненавидела новых людей. На то, чтобы расположить ее к себе, у него ушла большая часть первого курса, но ему по-прежнему вечно казалось, что один громкий звук – и она бросится в библиотеку, и они больше никогда ее не увидят.

– Памела Доуз, познакомься с нашей новой Данте, Алекс Стерн.

С энтузиазмом человека, приветствующего эпидемию холеры, Доуз протянула ей руку и сказала:

– Добро пожаловать в «Лету».

– Доуз за всем присматривает и следит, чтобы я не выставил себя слишком большим дураком.

– То есть, это работа на полную ставку? – спросила Алекс.

Доуз моргнула:

– Я работаю по вечерам и днем, но, если ты предупредишь заранее, могу освободиться в любое удобное время, – она обеспокоенно оглянулась на гостиную, как будто ее многострадальная диссертация была плачущим младенцем. Доуз прослужила Окулусом почти четыре года и все это время вкалывала над диссертацией – исследованием микенских обрядов в ранней иконографии таро.

Дарлингтон решил положить конец ее страданиям:

– Я покажу Алекс дом, а потом отведу ее в «Конуру».

– В конуру? – переспросила Алекс.

– Это наши комнаты на углу Йорк-стрит и Элм. Ничего особенного, но удобно, если не хочешь уходить слишком далеко от общежития. И «Конура» тоже под защитным заклинанием.

– Я пополнила там запасы еды, – чуть слышно сказала Доуз, уже удаляясь назад в свое убежище в гостиной.

Дарлингтон взмахом руки пригласил Алекс следовать за ним наверх.

– Кто такая Вирсавия Смит? – спросила сзади Алекс.

Значит, она читала «Жизнь Леты». Он был доволен, что она запомнила это имя, но, если его не подводила память, Вирсавия упоминалась на первой странице первой главы, так что слишком радоваться не стоило.

– Семнадцатилетняя дочь местного фермера. Ее тело нашли в подвале Йельской медицинской школы в 1824 году. Ее раскопали для изучения студенты.

– Господи.

– Такое случалось нередко. Врачам необходимо было изучать анатомию, а для этого нужны трупы. Но мы полагаем, что Вирсавию использовали во время одной из первых попыток установить контакт с мертвецами. Фельдшера уволили, а студенты Йеля научились быть более скрытными. После того, как обнаружили тело этой девушки, местные чуть не сожгли Йель дотла.

– Может, и надо было сжечь, – пробормотала Алекс.

Возможно. Тот период назвали Мятежом воскрешения, но до настоящих зверств не дошло. В расцвете или в упадке, но Нью-Хейвен всегда был городом, балансирующим на грани.

Дарлингтон показал Алекс остальную часть Il Bastone: большую гостиную со старой картой Нью-Хейвена над камином, кухню и кладовую, спортзалы на первом этаже, оружейную комнату на втором этаже, где целую стену занимали выдвижные ящики, в каждом из которых хранились травы и святыни.

В обязанности Доуз входила забота о том, чтобы они вовремя пополнялись, чтобы скоропортящиеся позиции заменялись и выбрасывались, прежде чем стухнуть, а также уход за требующими внимания артефактами. Защитные жемчуга Катберта необходимо было носить по несколько часов каждый месяц, чтобы они не утратили блеск и способность защищать своего носителя от ударов молний. Выпускник «Леты» по имени Ли де Форест, которого в бытность его студентом временно исключили за то, что он вызвал перебои с электричеством по всему кампусу, оставил «Лете» бесчисленные изобретения, включая Часы революции, с точностью до минуты отсчитывающие время до вооруженных восстаний в странах по всему миру. У них было двадцать два циферблата и семьдесят шесть стрелок, и заводить их необходимо было регулярно, иначе они попросту начинали кричать.

Дарлингтон показал Алекс запасы костяной пыли и кладбищенской земли, которые им предстояло пополнять по вечерам четверга, а также редкие склянки с Гибельной водой, как говорят, собранной из семи рек ада, которую следовало использовать только в чрезвычайных обстоятельствах. Дарлингтону никогда еще не представлялся такой случай, но он не терял надежды.

В центре комнаты стоял горн Хирама, или, как предпочитали называть его делегаты «Леты», Золотое блюдо. По окружности он был сравним с колесом трактора и был отлит из двадцатидвухкаратного чеканного золота.

– «Лета» давно знала, что в Нью-Хейвене водятся призраки. Случалось, что людей преследовали привидения, ходили слухи о том, что они являлись кому-то из городских, и некоторым членам общества удавалось преодолеть Покров на спиритических сеансах. Но «Лета» знала, что есть нечто большее – тайный мир, существующий рядом с нашим и зачастую с ним пересекающийся.

– Пересекающийся каким образом? – спросила Алекс, и он заметил, что ее узкие плечи напряглись, и она, слегка ссутулившись, встала в бойцовскую позу.

– В то время никто не мог сказать точно. Подозревали, что присутствие Серых в священных кругах и храмовых залах мешает чарам и ритуалам обществ. Выяснилось, что из-за вмешательства Серых заблудшая магия, высвобождаемая при проведении ритуалов, может привести к чему угодно, от внезапной стужи в десяти милях от кампуса до приступов агрессии у школьников. Но у «Леты» не было ни доказательств, ни способов это предотвратить. Годами они пытались создать эликсир, который бы позволил им видеть духов, экспериментировали над собой методом проб и ошибок – иногда смертельных. Но результатов это не приносило. Пока не появился горн Хирама.

Алекс провела пальцем по золотому краю чаши.

– Похоже на солнце.

– Многие предметы в Мачу-Пикчу были посвящены культу бога солнца.

– Эта штука из Перу? – спросила Алекс. – Не обязательно так удивляться. Я знаю, где Мачу-Пикчу. И даже могу найти на карте Техас.

– Тебе придется простить мое незнание программы лос-анджелесских государственных школ и того, насколько ты интересовалась учебой.

– Ты прощен.

Возможно, подумал Дарлингтон. Алекс Стерн казалась злопамятной.

– Хирам Бингэм был одним из отцов-основателей «Леты». Он «открыл» Мачу-Пикчу в 1911 году, хотя многим это слово не по нраву, поскольку местные прекрасно знали о его существовании, – когда Алекс не отозвалась, он добавил: – По слухам, он также был прототипом Индианы Джонса.

– Круто, – сказала Алекс.

Дарлингтон едва удержался, чтобы не вздохнуть. Конечно, только это и привлекло ее внимание.

– Бингэм украл около сорока тысяч артефактов.

– И привез их сюда?

– Да, в Йель, для изучения в Пибоди. Он обещал вернуть их через восемнадцать месяцев. Но у Перу буквально ушло сто лет на то, чтобы получить их назад.

Алекс щелкнула пальцем по горну, и раздался негромкий гулкий звук.

– А это забыли вложить в посылку? Кажется, его довольно сложно не заметить.

– Горн не был включен в опись, потому что его никогда не передавали Йелю. Хирам привез его для «Леты».

– То есть, стащил.

– Боюсь, что так. Но это ключ к «Оросчерио». У «Леты» не получался эликсир не из-за рецепта, а из-за сосуда.

– Значит, это магическая чаша для смешивания?

Маленькая язычница.

– Я бы не стал его так называть, но да.

– И он полностью отлит из золота?

– Прежде чем пытаться его украсть, прими к сведению, что он весит в два раза больше тебя, а заклинание защищает весь дом от краж.

– Как скажешь.

Дарлингтон подумал, что не удивился бы, если бы она нашла способ скатить горн вниз по лестнице в кузов фургона и переплавить его на сережки.

– Помимо «Оросчерио», у эликсира есть и множество других имен, – сказал он. – Золотая проба. Пуля Хирама. Всякий раз, как член «Леты» использует горн и выпивает эликсир, он рискует жизнью. Микстура токсична, а сам процесс причиняет невероятную боль. Но мы ее принимаем. Снова и снова. Чтобы заглянуть за Покров.

– Ясно, – сказала Алекс. – Я уже встречала наркоманов.

«Все не так», – захотелось возразить Дарлингтону. Но, возможно, все было именно так.

Дальнейший обход обошелся без происшествий. Он показал Алекс хранилища и кабинеты на верхних этажах, научил ее, как пользоваться библиотекой, – хотя и предостерег, чтобы она не делала этого самостоятельно, пока дом не узнает ее получше, – и наконец привел ее в спальню с примыкающей к ней ванной, убранные и приготовленные для нее как для новой Данте «Леты». Свои вещи Дарлингтон перенес в покои Вергилия в конце прошлого года, когда еще верил, что у него будет настоящий протеже, и предвкушал это с постыдной сентиментальностью. Покои Вергилия находились этажом выше комнаты Данте и вдвое превышали ее размером. После того, как Дарлингтон окончит университет, они останутся свободными, чтобы он при желании мог в них остановиться. Туалетный столик когда-то принадлежал Элеазару Уилоку. Напротив кровати находилось занимающее полстены витражное окно с изображением хвойного леса. На протяжении дня, когда солнце вставало и заходило, цвета стеклянных деревьев и небес над ними, казалось, также менялись. Когда он заселился в комнату, то обнаружил, что в свой последний визит Мишель оставила ему бутылку бренди и записку:

Это девственный лес. Неразличимые в сумерках
Шелестящие сосны и гемлоки
в бородах мха и зеленых одеждах
Стоят, как древние друиды
с печальными, пророческими голосами…

В былые времена существовал монастырь, где производили настолько благородный арманьяк, что монахам пришлось сбежать в Италию, после того, как Людовик Четырнадцатый пошутил: следовало бы убить их, чтобы защитить их секреты. Это последняя бутылка. Не пей на пустой желудок и не звони, если ты не умер. Удачи, Вергилий!

Дарлингтон всегда считал поэзию Лонгфелло дрянью, но все равно дорожил и запиской, и бренди.

Алекс потела в роскошной обстановке его старых комнат, которые он редко использовал, но очень любил. В спальне были темно-синие стены, кровать с балдахином была заправлена тяжелым покрывалом цвета морской волны, а гардероб украшен орнаментом из белого кизила. По обеим сторонам камина с расписными изразцами находились два витражных окна поскромнее, на которых изображались сине-фиолетовые облака в звездном небе.

Алекс медленно оглядывала комнату, обхватив себя руками. Ему снова вспомнилась Ундина. Но, возможно, она – просто потерявшаяся в море девушка.

– Когда ты впервые их увидела? – не удержался от вопроса Дарлингтон.

Она посмотрела на него и перевела взгляд на окно, где в витражных небесах вечно нарастала луна. Она взяла со стола музыкальную шкатулку от «Reuge», дотронулась до крышки, но потом, передумав, поставила ее на место.

Дарлингтону не составляло труда поддержать беседу, но он любил моменты, когда к нему никто не обращался, а значит, он мог не исполнять роль самого себя и просто наблюдать за другими. Алекс казалась зернистой, как в старом фильме. Ему было очевидно, что сейчас она принимает решение. Раскрыть ли свои тайны? Или сбежать?

Она пожала плечами, и ему показалось, что на этом все и закончится, но она снова взяла музыкальную шкатулку и сказала:

– Я не знаю. Какое-то время я принимала их за людей, а на детей, разговаривающих с пустотой, никто не обращает внимание. Помню, как видела стоящего посреди улицы толстого мужика. Не считая носков и майки, он был голым и держал в руке пульт, как плюшевого медвежонка. Помню, как пыталась сказать маме, что его собьют. Когда мы ездили на пирс Санта-Моники, я видела женщину, лежащую в воде, как девушка на картине… – Алекс взмахнула рукой, словно перемешивая содержимое горшка. – Ну, с волосами и цветами?

– Офелия.

– Офелия. Она пошла за мной домой, а, когда я заплакала и закричала ей, чтобы ушла, она попыталась подойти еще ближе.

– Они любят слезы. Соль, грусть, любые сильные эмоции.

– Страх? – спросила она, стоя так неподвижно, словно позировала для портрета.

– Страх.

Злобой Серые обычно не отличались, но любили вызывать оторопь и ужас.

– Почему их так мало? Разве не должны они быть повсюду?

– Немногие Серые способны пройти через Покров. Подавляющее большинство остается в загробной жизни.

– Я видела их в супермаркете рядом с лотками с горячей едой и этими розовыми коробками с выпечкой. Они обожали нашу школьную столовую. Я особо об этом не задумывалась, пока Джейкоб Крейг не спросил, не хочу ли я посмотреть на его штучку. Я сказала, что сто раз их видела, каким-то образом это дошло до его матери, и она позвонила в школу. В общем, учительница приводит меня в кабинет и спрашивает: «Что значит, ты сто раз видела эти штучки?». Я не додумалась солгать, – Алекс резко поставила шкатулку на место. – Если хочешь, чтобы кто-то срочно позвонил в органы опеки, достаточно заговорить о призрачных членах.

Дарлингтон сам не знал, чего ожидал. Романтичного мертвого разбойника, поджидающего ее у окна? Банши, скитающейся на берегах реки Лос-Анджелес, как Ла Йорона?[5] Было что-то удивительно обыкновенное и ужасное в ее истории. В ней самой. Кто-то доложил о случае Алекс в органы опеки и попечительства, и один из многих поисковых алгоритмов «Леты» или один из их многих агентов в одном из многих бюро, которым они платили, обратил внимание на характерные ключевые слова: *Галлюцинации. Паранойя. Призраки.* С этого момента ее, скорее всего, взяли под наблюдение.

– А что было той ночью в квартире на Седрос?

– А, ты о Граунд-Зиро, – нахмурившись, ответила она. – Только не говори, что не читал мое дело.

– Читал. Я хочу знать, как тебе удалось выжить.

Алекс потерла большим пальцем борт подоконника.

– Я тоже.

Можно ли считать такой ответ удовлетворительным? Дарлингтон видел снятые полицейскими фото и видео с места преступления. Все пятеро погибших мужчин были избиты почти до неузнаваемости, двоим из них воткнули кол в сердце, как вампирам. Несмотря на масштабы бойни, кровавые брызги указывали, что все это – дело рук единственного нападавшего. Судя

[5] Ла Йорона, или Плакальщица – в мексикано-американском фольклоре призрак матери, оплакивающей своих погибших детей и обреченной на вечные скитания.

по оставленным всюду кровавым дугам, каждый жестокий удар был нанесен с замахом слева направо.

Что-то здесь не сходилось, но Алекс подозрение не коснулось. Во-первых, она была правшой, а во-вторых, вследствие своих миниатюрных размеров не смогла бы нанести удары такой силы. Кроме того, в крови у нее было столько фентанила, что ей очень повезло остаться в живых. Волосы у нее были мокрые, и ее нашли совершенно обнаженной. Дарлингтон не мог отбросить свои подозрения и покопался в деле дополнительно, но полицейские не обнаружили ни крови, ни ДНК: если бы она и была каким-то образом замешана в убийствах, то не смогла бы смыть с себя улики. Так почему преступник не тронул девушек? Если полиция права, и дело было в разборках с другим барыгой, почему он пощадил Алекс и ее подругу? От торговцев наркотиками, которые до смерти забивают людей бейсбольными битами, не ожидаешь сочувствия к женщинам и детям. Возможно, нападавший считал, что они уже погибли от передозировки. Или Алекс сливала информацию преступнику. Как бы там ни было, она явно знала о случившемся больше, чем рассказала полиции. Дарлингтон в этом нисколько не сомневался.

– Мы с Хелли были обдолбаны, – тихо сказала она, продолжая водить пальцем по подоконнику. – Я очнулась в больнице. Она не очнулась вообще.

Алекс вдруг показалась Дарлингтону очень маленькой, и он ощутил укол стыда. В свои двадцать она была старше большинства первокурсников, – но во многом оставалась еще ребенком, и потому влипла по уши. Той ночью она лишилась друзей, парня, всей своей привычной жизни.

– Идем, – сказал он, сам не зная, почему. Возможно, он испытывал чувство вины за свои расспросы. Возможно, потому что она не заслуживала наказания за то, что согласилась на сделку, от которой не смог бы отказаться ни один разумный человек.

Дарлингтон отвел ее назад в сумрачную оружейную – глухую комнату, стены которой были заставлены полками и ящиками высотой почти в два этажа. Ему не сразу удалось найти нужный шкаф. Когда он положил ладонь на дверцу, дом замер. Затем замок осуждающе щелкнул.

Он осторожно достал тяжелую инкрустированную перламутром коробку из полированного черного дерева.

– Скорее всего, тебе придется снять рубашку, – сказал Дарлингтон. – Я отдам коробку Доуз, и она…

– Я не нравлюсь Доуз.

– Доуз никто не нравится.

Алекс стянула рубашку через голову. Под черным лифчиком показались торчащие, как борозды обработанной пашни, ребра:

– Готово. Не зови Доуз.

Почему она с такой готовностью отдавалась на его милость? Она не боялась или была просто безрассудна? Ни то, ни другое не сулило ей в «Лете» ничего хорошего. Но Дарлингтон склонялся к мысли, что ни одна из его догадок не была верной. Казалось, что теперь Алекс испытывает *его,* что она бросила ему новый вызов.

– Приличия тебя бы не убили, – сказал он.

– Не хочу рисковать.

– Обычно женщины не раздеваются при мне без предупреждения.

Алекс пожала плечами, и борозды на ее теле зашевелились.

– В следующий раз зажгу сигнальный огонь.

– Было бы неплохо.

Татуировки кольчугой покрывали ее кожу от запястий до плеч и ключиц.

Дарлингтон открыл крышку коробки.

Алекс резко втянула в себя воздух и отпрянула.

– В чем дело? – спросил он.

Она отошла почти в другой конец комнаты.

– Не люблю бабочек.

– Это мотыльки.

Насекомые сидели в коробке ровными рядами. Их мягкие белые крылья подрагивали.

– По фигу.

– Мне нужно, чтобы ты замерла, – сказал он. – Сможешь?

– Зачем?

– Просто доверься мне. Оно того стоит, – Дарлингтон задумался. – Если тебе не понравится, я отвезу тебя и твоих соседок в «Икею».

Алекс смяла рубашку в кулаке:

– А потом отвезешь в пиццерию.

– Ладно.

– А тетушка Айлин купит мне осеннюю одежду.

– *Ладно.* А теперь иди сюда, трусиха.

Она неуверенно, бочком снова подошла к нему, отводя взгляд от содержимого коробки.

Дарлингтон одного за другим достал мотыльков и бережно посадил их на Алекс – по одному на ее правое запястье, правое предплечье, изгиб локтя, тонкий бицепс, плечо. Проделав то же самое с ее левой рукой, он посадил двух мотыльков на ее ключицы, где изгибались головы двух черных змей. Их языки почти встречались на ее яремной ямке.

– *Chabash*, – пробормотал Дарлингтон. Мотыльки в унисон взмахнули крыльями. – *Uverat*, – они снова забили крыльями и начали сереть. – *Memash*.

С каждым ударом крыльев мотыльки становились темнее, а татуировки начали бледнеть.

Алекс быстро, неровно задышала. Ее зрачки расширились от страха, но, пока мотыльки темнели и чернила исчезали с ее кожи, ее лицо менялось, открывалось. Она распахнула рот.

Алекс видела мертвецов, подумал Дарлингтон. *Видела ужасы. Но никогда не видела магии.*

Вот почему он это сделал – не из чувства вины или гордости, а потому, что настал момент, которого он ждал: шанс показать кому-то чудо, понаблюдать, как они осознают, что им не лгали, что обещанный им в детстве мир не сказка, от веры в которую нужно отказаться, что в лесу, под лестницей и среди звезд действительно что-то скрывается, что все исполнено тайны.

Мотыльки хлопали крыльями снова и снова, пока не стали угольно-черными. Один за другим они с тихим стуком падали с ее рук на пол. Теперь руки Алекс были чистыми, без малейших следов татуировок, хотя там, где игла проникла особенно глубоко, по-прежнему можно было различить едва заметные рубцы. Алекс, взволнованно дыша, вытянула руки перед собой.

Дарлингтон собрал хрупкие тела мотыльков и бережно положил их в коробку.

– Они умерли? – прошептала она.

– Напились чернил.

Он закрыл крышку и убрал коробку обратно в шкаф. На этот раз щелчок замка прозвучал более покорно. Дарлингтон решил, что необходимо провести с этим домом воспитательную беседу.

– Изначально адресные мотыльки использовались для передачи конфеденциальных сведений. Когда насекомые выпивали документ, их можно было отвезти куда угодно в кармане пальто или ящике с раритетами. Затем их клали на чистый лист бумаги, и они дословно воссоздавали документ. При условии, что получатель знал нужное заклинание.

– То есть мы можем перевести мои тату на твою кожу?

– Не факт, что мне татуировки подойдут, но это возможно. Просто будь осторожна… – он взмахнул рукой. – В порывах страсти. Человеческая слюна обращает магию вспять.

– Только человеческая?

– Да. Если собака полижет тебе локти, ничего не случится.

Алекс взглянула на него. В сумраке ее глаза выглядели черными и дикими.

– Мне нужно знать что-то еще?

Спрашивать, о чем она, было излишне. Продолжит ли мир открываться перед ней? Делиться своими тайнами?

– Да. Много чего.

Она замялась:

– Ты мне покажешь?

– Если позволишь.

Тогда Алекс чуть заметно улыбнулась, и Дарлингтон мельком увидел девочку, скрывающуюся внутри нее, – счастливую, менее затравленную девочку. Вот что делает магия. Она открывает сердце человека, которым ты был, прежде чем жизнь разрушила твою веру в возможное. Она возвращает тебе мир, о котором мечтают все одинокие дети. Для него все это сделала «Лета». Возможно, то же самое она сделает и для Алекс.

Через много месяцев он вспомнит, как держал на ладони мотыльков. Он будет вспоминать это мгновение с мыслью о том, как глупо было полагать, что он хоть что-то о ней знает.

5

Зима

Когда Алекс наконец вернулась в Старый кампус, небо уже посерело. Она заскочила в «Конуру», чтобы принять душ с вербеновым мылом под курильницей с можжевельником и пало санто. Только они могли справиться с вонью Покрова.

Она почти не бывала в убежищах «Леты» одна. Ее всегда сопровождал Дарлингтон, и она по-прежнему надеялась увидеть его на подоконнике с книгой, услышать, как он ворчит, что она использовала всю горячую воду. Он предлагал оставить сменную одежду в «Конуре» и Il Bastone, но Алекс и так было почти нечего носить. Она не могла позволить себе хранить запасную пару джинсов и один из двух своих лифчиков где-то, кроме своего уродливого комода. Так что, когда она вышла из ванной в узкую раздевалку, ей ничего не оставалось, кроме как надеть спортивный костюм Дома Леты. У сердца и на правом бедре была вышита гончая «Леты» – эмблема, непонятная никому, кроме членов общества. Там же до сих пор хранилась одежда Дарлингтона: куртка от Barbour, полосатый шарф колледжа Дэвенпорт, чистые, аккуратно сложенные, отутюженные джинсы, идеально разношенные рабочие сапоги и топсайдеры от Sperry, только и ждущие, когда их наденет Дарлингтон. Алекс ни разу не видела, чтобы он их надевал, но, возможно, нужно иметь такую пару на случай, если придется преобразиться в мажора.

Она оставила зеленую настольную лампу в «Конуре» включенной. Доуз это не понравится, но она не могла заставить себя уйти в темноте.

Алекс отпирала входную дверь в Вандербильт, когда ей пришло сообщение от декана Сэндоу: *Побеседовал с Центурионом. Спи спокойно.*

Ей захотелось отшвырнуть телефон. Спи спокойно?! Если Сэндоу собирается разбираться с убийством лично, она зря потратила свое время и монету принуждения. Она знала, что декан ей не доверяет. Да и с чего бы он ей доверял? Когда до него дошла новость о смерти Тары, он наверняка попивал ромашковый чай рядом со спящим у его ног большим псом. Наверняка ждал у телефона, чтобы убедиться, что на предсказании не случится ничего ужасного и Алекс не опозорит себя и «Лету». Конечно, меньше всего ему хотелось подпускать ее к расследованию убийства.

Спи спокойно. Остальное оставалось ненаписанным: *Я не жду, что ты с этим разберешься. Никто не надеется, что ты с этим разберешься. Пока мы не вернем Дарлингтона, от тебя не ждут ничего, просто не привлекай к себе лишнего внимания.*

Если они вообще смогут его найти. Если они каким-то образом смогут вернуть его домой из того темного места, в котором он пропал. Меньше чем через неделю, в новолуние, они проведут ритуал. Как это работает, Алекс не понимала. Она знала только, что декан Сэндоу верит, что это сработает, и что, пока это не произойдет, ее задача – позаботиться, чтобы никто не задавал лишних вопросов об исчезнувшем золотом мальчике «Леты». По крайней мере сейчас ей не придется волноваться из-за убийства и препираться с угрюмым детективом.

Войдя в общую комнату и обнаружив, что Мерси уже проснулась, Алекс обрадовалась, что зашла принять душ и переодеться. Раньше она воображала, что общежития колледжей похожи на отели с длинными коридорами, в которые выходит множество спален, но Вандербильт напоминал скорее старомодное многоквартирное здание: отовсюду доносилась музыка, напевающие и смеющиеся люди входили и выходили из общих ванных комнат, а по колодцу центральной лестницы эхом разносилось хлопанье дверей. В дыре, где она жила с Леном,

Хелли, Бузилой и другими, тоже было шумно, но там шум был иным – он звучал, как подавленные вздохи и стоны умирающего.

– Ты не спишь, – сказала Алекс.

Мерси подняла взгляд от романа «На маяк», заложенного множеством пастельных стикеров. Ее волосы были заплетены в причудливую косу, а вместо того, чтобы завернуться в их дешевый шерстяной плед, она накинула поверх джинсов шелковый балахон с синими гиацинтами.

– Ты вообще дома ночевала?

Алекс воспользовалась представившейся возможностью:

– Ага. Когда я пришла, ты уже храпела. Я проснулась, только чтобы пробежаться.

– Ты была в спортзале? Разве душевые так рано открываются?

– Для сотрудников да.

Алекс была не слишком уверена, что это так, но знала, что спорт интересует Мерси меньше всего на свете. Кроме того, у Алекс не было ни кроссовок, ни спортивного бра, и Мерси ни разу об этом не спросила. Люди не уличают никого во лжи ни с того ни с сего, а с чего бы кому-то лгать о том, что он бегает по утрам?

– Вот психи! – Мерси бросила Алекс скрепленную пачку листов. Той не хотелось даже смотреть, что там написано. Это было ее эссе по Мильтону. Мерси предложила его почитать. Алекс уже видела начерканные красной ручкой замечания.

– Ну и как тебе? – спросила она, входя в их спальню.

– Не ужасно.

– Но и не хорошо, – пробормотала Алекс, войдя в их крошечную каморку и снимая спортивный костюм.

Мерси повесила на свою часть стены постеры, семейные фотографии, корешки билетов на бродвейские мюзиклы и написанную китайскими иероглифами поэму, которую она, по ее словам, выучила для званых ужинов по настоянию родителей, но искренне полюбила, несколько скетчей Александра Маккуина и целую россыпь красных конвертов. Алекс знала, что все это – отчасти притворство для создания образа девушки, которой Мерси хотела стать в Йеле, но каждый предмет, каждая вещь была как-то связана с ней. Алекс же чувствовала себя так, будто кто-то взял и слишком рано обрезал все ее ниточки. Ее главной связью с прошлым была бабушка, но Эстреа Стерн умерла, когда Алекс было девять. Мира Стерн по ней скорбела, но не испытывала никакого интереса к материнским историям и песням, рецептам и молитвам. Она называла себя исследовательницей и увлекалась гомеопатией, аллопатией [6], целительными драгоценными камнями и Крайоном[7], а как-то три месяца добавляла спирулину в каждое блюдо. Всем увлечениям она предавалась с одинаково неистовым энтузиазмом и пичкала Алекс то одним волшебным средством, то другим. Когда речь заходила об отце Алекс, Мира была не слишком щедра на подробности, и, если ее расспрашивали чересчур настойчиво, ее ответы становились еще туманнее. Он был знаком вопроса, фантомной половиной Алекс. Она знала только, что он любил океан, родился под знаком Близнецов и был смуглым – Мира не могла сказать, был ли он доминиканцем, гватемальцем или пуэрториканцем, зато знала, что он восходящий Водолей с луной в Скорпионе. Или что-то в этом духе. Алекс никогда не могла запомнить.

Она мало что привезла из дома. Возвращаться в Граунд-Зиро за своим старым барахлом ей не хотелось, а дома у ее матери оставались вещи маленькой девочки – пластиковые пони, розочки из цветных лент, ластики с запахом жвачки. В конце концов она взяла с собой

---

[6] Термин, используемый приверженцами альтернативной медицины для описания фармакотерапии и других методов классической медицины.

[7] Согласно учению, основанному Ли Кэрроллом, Крайон – это астральная сущность, высший разум.

большой дымчатый топаз, подаренный матерью, бабушкины почти нечитабельные карточки с рецептами, деревце для сережек, которое было у нее с восьми лет, и ретро-карту Калифорнии, которую она повесила рядом с принадлежавшим Мерси постером Коко Шанель. «Я знаю, что она была фашисткой, – говорила Мерси. – Но не могу ее разлюбить».

Декан Сэндоу предложил Алекс для вида купить несколько альбомов и угольные карандаши, и она покорно положила их на свой полупустой комод.

Алекс постаралась выбрать самые легкие предметы: английскую литературу, испанский, введение в социологию, живопись. Она рассчитывала, что уж литература-то точно дастся ей легко, потому что любила читать. В школе, даже когда дела пошли совсем плохо, у нее все равно получалось сдать эти предметы. Но теперь, в колледже, литература показалась ей чем-то совершенно чужеродным. За свою первую работу она получила тройку. Замечание препода гласило: «Это изложение». Прямо как в старших классах, только на этот раз она действительно старалась.

– Я тебя люблю, но твое эссе – настоящая мура, – сказала из общей комнаты Мерси. – Кажется, тебе не помешает поменьше бегать и побольше заниматься.

«Да что ты», – подумала Алекс. Мерси ждет большой сюрприз, если она когда-нибудь попросит Алекс пробежаться или поднять что-нибудь тяжелое.

– Можем разобрать его за завтраком, – продолжала Мерси.

Алекс хотелось одного – лечь спать, но, похоже, возвращаться в постель после пробежки не принято, к тому же Мерси оказала ей услугу, отредактировав ее ужасную работу по английскому, так что она не могла отказаться вместе позавтракать. «Лета» предоставила Алекс репетитора – аспиранта отделения американистики по имени Ангус, который проводил большую часть их еженедельных занятий, ссутулившись над работой Алекс, раздраженно фыркая и качая головой, как осаждаемая мухами лошадь. Нельзя назвать Мерси деликатной, но она была куда более терпелива.

Алекс натянула джинсы, футболку и черный кашемировый свитер, покупке которого в Target еще недавно так радовалась. Только увидев роскошный лавандовый пуловер Лорен и по-дурацки спросив: «Из чего он?», она поняла, что видов кашемира существует не меньше, чем форм лобков, и ее жалкий свитер с распродажи – это безыскусный ширпотреб. По крайней мере в нем было тепло.

Она еще раз побрызгала пальто кедровым маслом на случай, если от него еще попахивало Покровом, закинула на плечо сумку и замешкалась. Выдвинув ящик комода, она принялась копаться в вещах и наконец нашла маленький пузырек, похожий на обыкновенный флакон с глазными каплями. Не дав себе времени на размышления, она запрокинула голову и закапала по две капли белладонны в каждый глаз. Это был сильный стимулятор наподобие волшебного адерола. Вштыривал он жестко, но своих сил на то, чтобы вынести это утро, Алекс бы не хватило. Все старожилы «Леты» вели хроники своего времяпрепровождения в обществе, и каждый мухлевал по-своему. Об этом способе Алекс узнала после исчезновения Дарлингтона.

Она снова вышла в утренний холод в компании Мерси. Алекс всегда нравилось прогуливаться от Старого кампуса до столовой Джонатана Эдвардса, но этим хмурым днем двор выглядел не так красиво. Ночью неряшливые сугробы мерцали неопределенной белизной, но сейчас они были грязными и коричневыми, как кипы грязного белья. Над всем этим, подобно тающей свече, нависала башня Харкнесса, колокола которой отбивали начало часа.

У Алекс ушло несколько недель, чтобы понять, почему Йель показался ей каким-то не таким. Дело было в полном отсутствии гламура. В Лос-Анджелесе, даже в Долине, даже в худшие дни, всё и все было на стиле. Даже мать Алекс с ее пурпурными тенями и слоями бирюзы, даже их унылая квартира с наброшенными на лампы шалями, даже ее нищие, страдающие от похмелья друзья, устраивающие барбекю у кого-нибудь на заднем дворе, девицы в облегающих

шортах с голыми пупками и развевающимися волосами до пояса, парни с бритыми головами, шелковистыми пучками или толстыми дредами. У всех и вся был собственный стиль.

Но здесь цвета словно смазывались. Здесь носили что-то вроде униформы: качки ходили в бейсболках козырьком назад, длинных мешковатых шортах, вопреки холодам, и с ключами на шнурках, которыми они размахивали, как денди; девушки носили джинсы и стеганые куртки; творческая молодежь красила волосы во все цвета радуги. Считается, что твоя одежда, машина, доносящаяся из нее музыка должны выражать твою индивидуальность. А здесь кто-то словно спилил все серийные номера, стер отпечатки. «*Кто ты?*» – иногда думала Алекс, глядя на очередную девушку в темно-синем бушлате и шерстяной шапке с бледным, истощенным лицом и хвостом, перекинутым через плечо, как мертвое животное. *Кто ты?*

Мерси представляла собой исключение. Она предпочитала шмотки с цветочным принтом и, казалось, имела бесчисленное множество очков, которые она носила на блестящих тесемках вокруг шеи. При этом Алекс ни разу не видела, чтобы она их надевала. Сегодня Мерси надела парчовое пальто с вышитыми на нем пуансеттиями, в котором выглядела, как самая молодая эксцентричная бабушка в мире. Когда Алекс приподняла брови, та сказала только: «Люблю одеваться броско».

Они вошли в общую комнату Джонатана Эдвардса, и их тут же окутало теплом. Зимний свет падал на кожаные диваны, оставляя на них водянистые квадраты, – все это было жеманной, притворно-скромной прелюдией к высокому балочному потолку и каменным нишам столовой.

Мерси рассмеялась:

– По моим наблюдениям, ты так улыбаешься только перед едой.

Она была права. Если Бейнеке был храмом Дарлингтона, то Алекс ежедневно восхищалась столовой. В квартире в Ван-Найс они питались фастфудом, когда были деньги, а, когда оставались на мели – хлопьями, иногда сухими, иногда вымоченными в газировке, если она совсем отчаивалась. Всякий раз, как их приглашали на барбекю к Итану, она крала пакет булочек для хот-догов, чтобы было на что мазать арахисовое масло, а однажды попыталась съесть сухой корм Локи, но не смогла его прожевать. Даже когда она жила с мамой, питались они только замороженной едой, рисовыми блюдами, которые достаточно было разогреть в упаковке, а потом, когда Мира стала торговать «Гербалайфом», – странными коктейлями и питательными батончиками. Алекс неделями носила в школу протеиновую смесь для пудинга.

Мысль о том, что горячая еда вот так запросто ждала ее три раза в день, по-прежнему ее поражала. Но что и сколько бы она ни ела, насытить ее наголодавшееся тело было невозможно. Каждый час ее желудок начинал урчать, как колокола башни Харкнесса. Алекс всегда брала с собой два сэндвича и завернутые в салфетку шоколадные печенья. Запас еды в рюкзаке вызывал у нее чувство защищенности: если все это закончится, если ее всего этого лишат, ей не придется голодать минимум пару дней.

– Хорошо, что ты столько тренируешься, – заметила Мерси, глядя, как Алекс жадно ест гранолу. Только вот на самом деле она, конечно, не тренировалась, и рано или поздно быстрый метаболизм перестанет ее выручать, но ей было просто все равно. – Как думаешь, надеть юбку на «Психоз Омеги» завтра ночью – это чересчур?

– Ты по-прежнему собираешься на эту вечеринку братства?

Мерси твердо решила, что им с Алекс нужно побывать на пяти вечеринках, чтобы завести знакомства, и одной из этих вечеринок должен был стать «Психоз Омеги».

– Не у всех же есть смазливый кузен, который водит нас в интересные места. Так что да, собираюсь, пока меня не позовут на вечеринку покруче. Это тебе не школа. Мы не обязаны дожидаться, пока нас куда-то пригласят, как каких-то неудачниц. Я и так сто раз наряжалась – но только для того, чтобы в итоге меня, кроме тебя, никто так и не увидел.

– Ладно, я пойду в юбке, если ты пойдешь в юбке, – сказала Алекс. – А еще… Мне придется одолжить у тебя юбку.

Наряжаться на вечеринки братств было не принято, но, если Мерси хотелось разодеться для кучки парней в костюмах химзащиты, значит, именно так они и поступят.

– Тебе надо надеть эти твои ботинки со шнурками, – добавила она. – Пойду за добавкой.

Белладонна подействовала как раз, когда Алекс накладывала себе на поднос блинчики с арахисовым маслом, и она резко втянула в себя воздух, почувствовав себя совершенно бодрой. Казалось, будто за шиворот ей засунули ледяное яйцо. Разумеется, именно в этот момент профессор Бельбалм подозвала ее к своему столу. Преподавательница сидела за угловым столиком под решетчатыми окнами. Ее прилизанные седые волосы блестели, как голова тюленя среди волн.

– Твою мать, – сказала себе под нос Алекс и съежилась, когда губы Бельбалм изогнулись, будто та ее услышала.

– Дай мне минутку, – сказала она Мерси и поставила поднос на их стол.

Маргарита Бельбалм была француженкой, но по-английски говорила безупречно. Ее белоснежные волосы были подстрижены под гладкое, строгое каре, словно высеченное из кости и лежащее на ее голове неподвижно, как шлем. Она носила ассиметричную черную одежду, спадающую в высшей степени элегантными складками, и излучала безмятежность, от которой Алекс потряхивало. Алекс трепетала перед ней с тех пор, как впервые увидела ее стройную безукоризненную фигуру в ознакомительный день в Джонатане Эдвардсе и почувствовала аромат ее перечных духов. Бельбалм была профессором феминологии, главой колледжа Дж. Э. и одной из самых молодых преподавательниц, получивших постоянный контракт. Алекс не слишком хорошо понимала, что подразумевается под постоянным контрактом и что значит «молодая» – тридцать, сорок или пятьдесят? В зависимости от освещения Бельбалм выглядела по-разному. Сейчас, когда Алекс была под воздействием белладонны, Бельбалм можно было дать от силы лет тридцать, и отражающийся от ее белых волос свет мерцал, как крошечные падающие звезды.

– Здрасте, – сказала Алекс, замерев за спинкой одного из деревянных стульев.

– Александра, – сказала Бельбалм, положив подбородок на сложенные руки. Она всегда путала имя Алекс, и та никогда ее не поправляла. Признаться этой женщине, что ее зовут Гэлакси, было бы немыслимо. – Я знаю, что ты завтракаешь с подругой, но мне нужно тебя украсть. – Алекс еще не видела никого с настолько утонченными манерами. – У тебя найдется минутка? – вопросы Бельбалм всегда больше походили на утверждения. – Ты зайдешь в кабинет, да? Там мы сможем побеседовать.

– Конечно, – сказала Алекс, хотя на самом деле хотела спросить: «*У меня неприятности?*» Когда в конце первого семестра Алекс оставили на испытательный срок, Бельбалм сообщила ей эту новость, сидя в своем элегантно обставленном кабинете и положив перед собой три работы Алекс: одну по «Парням что надо» для курса по социологии на тему организационных катастроф; другую по «Позднему воздуху» Элизабет Бишоп – стихотворению, которое она выбрала за краткость, но позже поняла, что ей нечего о нем сказать и она даже не может заполнить пространство листа солидными длинными цитатами; третью – к семинару по Свифту – она рассчитывала, что писать о нем эссе будет весело, из-за «Путешествий Гулливера». Как выяснилось, «Путешествия Гулливера», которые она читала, были детской версией и не имели ничего общего с заумным оригиналом.

Бельбалм пригладила ладонью бумаги и мягко сказала, что Алекс следовало предупредить о своих трудностях в обучении:

– У тебя же дислексия, да?

– Да, – солгала Алекс. Ей нужно было как-то объяснить тот факт, что она настолько отстает от однокурсников. Она чувствовала, что ей должно стать стыдно за то, что она не поправила Бельбалм, но не могла не воспользоваться этим объяснением.

И что теперь? Семестр начался не так давно, чтобы Алекс успела снова облажаться.

Бельбалм подмигнула и сжала ее ладонь.

– Ничего страшного. Не нужно пугаться, – пальцы профессора были прохладными и костлявыми, твердыми, как мрамор; на ее безымянном пальце мерцал единственный крупный темно-серый камень. Алекс сознавала, что поедает кольцо глазами, но из-за наркотика оно казалось горой, алтарем, планетой на орбите. – Я предпочитаю штучные украшения, – сказала Бельбалм. – Простота, хм-м?

Алекс кивнула и, сделав над собой усилие, отвела взгляд. На ней самой сейчас были дешевые серьги, которые она стащила из Claire's в молле Fashion Square. Простота.

– Пойдем, – сказала Бельбалм, поднявшись и взмахнув изящной рукой.

– Я только сумку возьму, – ответила Алекс, вернулась к Мерси, запихнула в рот блинчик и принялась торопливо жевать.

– Ты видела? – спросила Мерси, показывая Алекс экран телефона. – Ночью в Нью-Хейвене убили какую-то девушку. Напротив Пейна Уитни. Похоже, ты утром проходила прямо мимо места преступления!

– Жесть, – сказала Алекс, взглянув на ее мобильник. – Я видела прожекторы, но подумала, что там просто случилась какая-то авария.

– Кошмар. Ей было всего шестнадцать, – Мерси потерла руки. – Чего хочет Красотка Бельбалм? Я думала, мы будем разбирать твое эссе.

Мир сиял. Алекс чувствовала себя полной сил и способной на все. Мерси была к ней добра, и Алекс хотелось поработать с ней, пока эффект белладонны не пошел на спад, но она ничего не могла поделать.

– У Бельбалм сейчас есть время, и мне нужно обсудить с ней свое расписание. Встретимся у нас в комнате?

«Эта сука врет, как дышит», – как-то сказал об Алекс Лен. Он много чего говорил, пока не умер.

Алекс вслед за преподавательницей вышла из столовой и пошла через двор к ее кабинету. Ей было неловко бросать Мерси. Мерси родилась в семье профессоров, живущей в богатом пригороде Чикаго. Она написала какое-то нереально крутое сочинение, впечатлившее даже Дарлингтона. У них с Алекс не было ничего общего. Но им обеим было не с кем сидеть в столовой, и Мерси не засмеялась, когда оказалось, что Алекс не знает, как правильно произносится фамилия Гете. При ней и Лорен Алекс было легче притворяться, что ей здесь самое место. И все-таки, если Красотка Бельбалм требует твоего присутствия, спорить не приходится.

У Бельбалм было два помощника, которые сменяли друг друга за столом перед ее кабинетом. Этим утром была смена очень жизнерадостного, очень смазливого Колина Хатри. Он был членом «Свитка и ключа» и обладал каким-то особым дарованием в химии.

– Алекс! – воскликнул он так, будто она долгожданная гостья на вечеринке.

Энтузиазм Колина всегда казался искренним, но иногда из-за этой его неуемной энергии ей хотелось психануть и проткнуть ему ладонь карандашом. Профессор повесила свое элегантное пальто на вешалку и позвала Алекс в кабинет.

– Чай, Колин? – с вопросительной интонацией произнесла Бельбалм.

– Конечно, – сказал тот, сияя не как помощник, а скорее как прислужник.

– Спасибо, дорогой.

– Пальто, – одними губами произнес Колин.

Алекс сбросила пальто. Однажды она спросила у Колина, что Бельбалм известно об обществах. «Ничего, – ответил он. – Она думает, это "брехня старомодной элиты"».

И она не ошибалась. Раньше Алекс задавалась вопросом, что такого особенного в старейшинах, которых каждый год избирали общества, и думала, что в них наверняка есть что-то волшебное. Но то были просто самые перспективные студенты: наследники состояний, отличники, королевы красоты, редактор Daily News, квотербек команды по регби, паренек, поставивший

радикальную версию «Эквуса», которую никто не хотел смотреть. Люди, которым предстояло управлять хедж-фондами и стартапами и пожинать лавры исполнительных продюсеров.

Алекс вошла вслед за Бельбалм в кабинет, где царила атмосфера покоя. На полках стояли книги и бережно подобранные сувениры из путешествий Бельбалм: выпуклый, как медуза, декантер из выдувного стекла, какое-то старинное зеркало. На подоконнике в белых керамических горшках, похожих на геометрические скульптуры, росли растения. Даже солнечный свет здесь казался мягче.

Алекс сделала глубокий вдох.

– Слишком сильно пахнет духами? – с улыбкой спросила Бельбалм.

– Нет! – громко ответила Алекс. – Все отлично.

Бельбалм изящно опустилась в кресло за своим столом и жестом пригласила Алекс сесть на зеленый бархатный диван напротив.

– Le Parfum de Thérèse, – сказала Бельбалм. – Edmond Roudnitska. Он был одним из величайших носов двадцатого века и создал этот аромат для своей жены. Пользоваться им дозволялось только ей. Романтично, не правда ли?

– Но тогда…

– Каким образом он достался мне? Ну, они оба умерли, и на этом можно было заработать, так что Фредерик Малле выпустил духи в продажу, чтобы мы, обыватели, смогли их покупать.

Обыватель было словом, которым не пользовались бедняки. Точно так же, как люди из мира роскоши не пользовались словом *роскошный*. Но благодаря улыбке Бельбалм Алекс почувствовала себя включенной в ее круг и постаралась понимающе улыбнуться в ответ.

Вошел Колин и поставил на край стола поднос, на котором стоял чайный сервиз цвета красной глины.

– Что-нибудь еще? – с надеждой спросил он.

Бельбалм отмахнулась.

– Займись чем-нибудь важным, – она разлила чай по чашкам и протянула одну из них Алекс. – Если хочешь, добавь сливок и сахара. А еще есть свежая мята, – она встала и сорвала веточку с какого-то растения на подоконнике.

– Мяту, пожалуйста, – сказала Алекс, забрав ветку и вторя движениям Бельбалм: размолоть листья, бросить их в свою чашку.

Бельбалм откинулась в кресле, сделала глоток. Алекс повторила за ней, обожгла язык и постаралась не подать виду.

– Полагаю, ты слышала о той бедной девушке?

– О Таре?

Бельбалм вскинула тонкие брови.

– Да, о Таре Хатчинс. Ты ее знала?

– Нет, – ответила Алекс, раздражаясь из-за собственной глупости. – Я только что о ней читала.

– Страшная новость. Сделаю еще более страшное признание: я рада, что она не была студенткой. Это, конечно, нисколько не облегчает утрату.

– Конечно, – но Алекс была почти уверена, что именно это и имела в виду Бельбалм.

– Алекс, чего ты хочешь от Йеля?

Денег. Алекс знала, что такой ответ покажется Маргарите Бельбалм безнадежно примитивным. «*Когда ты впервые их увидела?*» – спросил ее Дарлингтон. Возможно, все богачи задают не те вопросы. Для таких, как Алекс, никаких *чего ты хочешь* не существует. Вопрос состоял в том, *сколько можно получить*. Хватит ли для выживания? Хватит ли, чтобы позаботиться о матери, когда все неизбежно плохо кончится?

Алекс не ответила, и Бельбалм задала новый вопрос:

– Почему ты поступила сюда, а не в художественную школу?

«Лета» написала для Алекс картины, создала ложный след успехов и блестящих рекомендаций, компенсирующих ее академические провалы.

– Я талантлива, но не настолько, чтобы преуспеть.

Это было правдой. При помощи магии можно породить умелых художников, искусных музыкантов, но не гениев. Алекс внесла в свое расписание художественные факультативы, потому что от нее это ожидалось, и они оказались самой легкой частью ее учебы. Потому что кистью водила не ее рука. Когда она вспоминала, что надо бы взяться за альбомы, которые посоветовал ей купить Сэндоу, писать картины оказывалось так легко, словно она позволяла планшетке-указателю скользить по «говорящей доске»[8], хотя появляющиеся образы возникали откуда-то у нее изнутри: полуголый, пьющий из лунки Бузила; Хелли в профиль с растущими на спине крыльями бабочки «монарх».

– Не стану обвинять тебя в ложной скромности. Я полагаю, тебе лучше знать, какими талантами ты обладаешь, – Бельбалм сделала еще глоток чая. – Мир довольно суров к художникам, которые талантливы, но не велики. Итак. Чего ты хочешь? Стабильности? Постоянной работы?

– Да, – сказала Алекс, и, вопреки ее стараниям, тон ее голоса прозвучал капризно.

– Александра, ты меня не поняла. В подобных желаниях нет ничего зазорного. Только люди, никогда не знавшие нужды, видят в них мещанство, – профессор подмигнула. – Самые ярые марксисты – всегда мужчины. Женщин несчастья настигают слишком легко. Нашу жизнь может разрушить единственный поступок, белая волна[9]. А деньги? Деньги – это скала, за которую мы цепляемся, когда нас уносит течение.

– *Да,* – сказала Алекс, подавшись вперед.

Вот чего никогда не могла понять ее мать. Мира любила *искусство, истину, свободу.* Она не хотела быть *частью системы.* Но системе было все равно. Шестеренки машины продолжали вертеться и неизбежно ее настигали.

Бельбалм поставила чашку на блюдце:

– Итак, когда у тебя появятся деньги, когда вместо того, чтобы цепляться за скалу, ты сможешь забраться на ее вершину, что ты там построишь? Что ты будешь проповедовать, стоя на скале?

Алекс почувствовала, что от ее заинтересованности ничего не осталось. Неужели профессор рассчитывает, что ей есть что сказать, что она может поделиться какой-то мудростью? *Не бросайте школу? Не принимайте наркотики? Не трахайтесь с плохими парнями? Не позволяйте плохим парням водить вас за нос? Уважайте родителей, даже если они этого не заслуживают, потому что у них есть бабло, чтобы заплатить за ваш прием у дантиста? Довольствуйтесь мечтами поскромнее? Не позволяйте своей любимой девушке умереть?*

Молчание затянулось. Алекс взглянула на мяту, плавающую в чашке.

– Ладно, – со вздохом сказала профессор Бельбалм. – Алекс, я спрашиваю тебя об этом, потому что не знаю, как еще тебя замотивировать. Хочешь узнать, почему для меня это важно?

Вообще-то нет. Алекс просто думала, что Бельбалм принимает свою должность главы Дж. Э. близко к сердцу, а потому заботится обо всех студентах под своей опекой. Но она все равно кивнула.

– Алекс, все мы с чего-то начинали. Многие из этих детей привыкли жить на всем готовеньком. Они забыли, каково добиваться желаемого. Ты же голодна, а я уважаю голод, – Бельбалм постучала двумя пальцами по столу. – Но *к чему* ты стремишься? Ты становишься лучше, я это вижу. Думаю, тебе помогают, и это хорошо. Ты явно умная девушка. Твой академический

---

[8] «Говорящая доска», или «уиджа» – доска для спиритических сеансов с нанесенными на нее буквами алфавита, цифрами, словами «да» и «нет» и со специальной планшеткой-указателем

[9] Белая волна, волна-убийца – гигантская одиночная волна высотой 20–30 метров, возникающая в океане.

испытательный срок вызывает беспокойство, но еще больше меня беспокоит, что ты, похоже, выбираешь не самые интересные, а самые легкие предметы. Здесь ты не можешь просто *пробавляться* кое-как.

«Могу и перебьюсь», – подумала Алекс, но сказала только:

– Простите.

Она извинялась искренне. Бельбалм искала в ней какой-то скрытый потенциал, и Алекс предстояло ее разочаровать.

Бельбалм отмахнулась от ее извинений:

– Подумай, чего ты хочешь, Алекс. Возможно, ты не найдешь этого здесь. Но, если твои цели достижимы в пределах университета, я сделаю, что могу, чтобы помочь тебе остаться.

Алекс хотела *этого:* совершенного покоя этого кабинета, мягкого света, льющегося из окон, нежных листьев мяты, базилика, майорана.

– Ты уже думала о планах на лето? – спросила Бельбалм. – Ты не хотела бы остаться здесь? Поработать на меня?

Алекс вскинула голову:

– Но что я могу для вас сделать?

Бельбалм рассмеялась.

– Думаешь, Изабель и Колин выполняют сложные задания? Они ведут мой календарь, архив, организуют мою жизнь, чтобы этим не пришлось заниматься мне. Я не сомневаюсь, что с этим справишься и ты. У нас есть летний курс писательского мастерства, который, как мне кажется, поможет подтянуть твои навыки настолько, чтобы ты могла продолжить обучение здесь. Тебе нужно бы задуматься о будущей карьере. Алекс, я не хочу, чтобы ты осталась за бортом.

Целое лето на то, чтобы наверстать упущенное и перевести дух. Алекс умела здраво рассчитывать свои шансы. Иначе было нельзя. Прежде чем ввязаться в сделку, надо знать, что можешь благополучно ее завершить. И она знала: вероятность, что ей удастся всеми правдами и неправдами проучиться в Йеле четыре года, невелика. Когда рядом был Дарлингтон, все было по-другому. Благодаря его помощи у нее появлялось преимущество, эта жизнь становилась сносной, возможной. Но Дарлингтон исчез – кто знает, насколько, – а она так устала кое-как удерживаться на плаву.

Бельбалм предлагала ей три месяца, чтобы отдышаться, восстановиться, придумать план, собраться с силами, стать настоящей студенткой Йеля, а не притворщицей, играющей эту роль на бабки «Леты».

– И как это устроить? – спросила Алекс. Ей хотелось поставить свою чашку на стол, но у нее так дрожали руки, что она боялась звякнуть ей о блюдце.

– Покажи мне, что можешь продолжать совершенствоваться. Закончи год с хорошими оценками. И в следующий раз, когда я спрошу, чего ты хочешь, я ожидаю получить ответ. Ты знаешь о моем салоне? У меня был салон вчера, но будет еще один на следующей неделе. Можешь начать с того, что будешь его посещать.

– Это я могу, – безо всякой уверенности сказала Алекс. – Это я могу. Спасибо.

– Алекс, не благодари, – Бельбалм взглянула на нее из-за красного бортика своей чашки. – Просто делай, что необходимо.

Алекс выпорхнула из кабинета, помахала Колину, ощущая себя легкой как перышко, и вышла в тихий двор. Иногда такое случалось: все двери закрывались, никто не проходил мимо по пути на занятия или в столовую, все окна накрепко запирались от холода, и ты оставался в полной тишине. Безмолвие окутало Алекс. Она вообразила, что окружающие ее корпуса заброшены.

Каким станет кампус летом? Тихим, как сейчас? Влажным и безлюдным городом под стеклянным куполом? Зимние каникулы Алекс провела в Il Bastone. Она смотрела фильмы на купленном ей «Летой» ноутбуке, постоянно переживая, что придет Доуз. Она разговаривала по «Скайпу» с мамой и выходила только за пиццей и лапшой. Даже Серые исчезли, будто без студенческих волнений и тревог ничто не тянуло их в кампус.

Алекс представила себе безмятежность и поздние утра, которые могло принести лето. Она могла бы сидеть за тем же столом, что Колин и Изабель, заваривать чай, обновлять сайт Дж. Э., делать все, что необходимо; выбрать курсы – те, где учебный план особо не менялся; заранее прочесть книги из списка для чтения; пройти курс писательского мастерства, чтобы ей больше не пришлось постоянно полагаться на Мерси – если, конечно, Мерси захочет жить вместе и в следующем году.

В следующем году. Волшебные слова. Бельбалм построила для Алекс мост в возможное будущее. Ей оставалось только его перейти. Мать Алекс будет разочарована, если она не приедет домой в Калифорнию… Или нет? Может, так будет проще. Когда Алекс сказала матери, что уезжает в Йель, Мира посмотрела на нее с такой грустью, что Алекс не сразу сообразила: мать решила, что она под кайфом. Алекс виновато сделала фото пустого двора и послала маме с припиской: «*Холодное утро!*» Сообщение было бессмысленным, но свидетельствовало о том, что у нее все хорошо и она *здесь*. Доказательство жизни.

Перед тем, как отправиться на занятия, она заглянула в ванную, провела пальцами по волосам. Они с Хелли обожали краситься, спускали изредка появлявшиеся деньги на подводку с блестками и блеск для губ. Иногда она по всему этому скучала. Здесь макияж значил нечто иное; он говорил о том, что девушка слишком старается привлечь внимание.

Алекс высидела час на испанском – это было скучно, но сносно, потому что от нее требовалось только запоминать. Все обсуждали Тару Хатчинс, хотя никто не называл ее по имени. Она была погибшей девушкой, жертвой преступления, городской, которую пырнули ножом. Люди говорили о телефонах доверия и психологической поддержке для тех, кого потрясло это событие. Аспирант, который вел у нее испанский, напомнил им, что после заката следует пользоваться предоставляемыми на территории кампуса услугами провожатого. *Я была совсем рядом. Я была там от силы за час до того, как все произошло. Я прохожу мимо каждый день.* Эти фразы Алекс слышала снова и снова. В словах звенели волнение и неловкость, в очередной раз доказывающие, что, сколько бы сетевых магазинов здесь ни открылось, Нью-Хейвену никогда не стать Кембриджем. Но по-настоящему напуганным никто не казался. *Потому что Тара не была одной из вас,* подумала Алекс, собирая сумку. *Вы-то по-прежнему чувствуете себя в безопасности.*

У Алекс было два свободных часа после пары, и она хотела провести их в своей комнате в общежитии. Она собиралась перекусить заранее припасенными сэндвичами, написать отчет для Сэндоу, проспать отходняк после белладонны и пойти на лекцию по литературе.

Вместо этого ноги сами понесли ее в спорткомплекс Пейна Уитни. Перекресток больше не был огорожен, и толпа рассеялась, но треугольный участок земли напротив комплекса по-прежнему опоясывала полицейская лента. Прохожие украдкой косились на место преступления и торопливо шли дальше, словно стыдясь, что кто-то заметит, как они разглядывают это жуткое место в холодном хмуром свете дня. Рядом была припаркована частично заехавшая на тротуар патрульная машина, а на другой стороне улицы стоял фургон службы новостей.

Алекс невольно подумала, что декан Сэндоу и другие члены йельской администрации сейчас наверняка проводят срочные совещания на тему минимизации ущерба. Раньше она не понимала, чем Йель отличается от Принстона и Гарварда и в чем разница между городами, где они расположены. Каждый из них казался фантастическим местом в воображаемом городе. Но по тому, как Лорен и Мерси прикалывались над Нью-Хейвеном, становилось ясно, что этот город и университет считаются чуть менее престижными, чем другие. И убийство, произошед-

шее так близко к кампусу, – хоть жертва и не была студенткой – не будет для них хорошим пиаром.

Алекс гадала, убили ли Тару здесь или ее тело просто бросили перед спорткомплексом. Надо было спросить коронера, пока он находился под воздействием чар монеты. Сама Алекс склонялась к первому варианту. Если хочешь избавиться от тела, не будешь бросать его посреди людного перекрестка.

В памяти всплыла туфля Хелли – розовая пластиковая сандалия, соскользнувшая с ее ноги с накрашенными ногтями. Единственной некрасивой частью Хелли были ее широкие ступни с жавшимися друг к другу пальцами и толстой, огрубелой кожей.

Что я здесь делаю? Алекс не хотелось приближаться к месту, где еще недавно лежало тело. *Это был ее парень.* Так сказал ей коронер. Он был торговцем наркотиками. Они из-за чего-то поругались. Раны были глубокими, но, если он был под кайфом, кто знает, что творилось у него в голове?

И все-таки что-то здесь ее тревожило. Ночью она пришла со стороны Гров-стрит, но сейчас стояла на другой стороне перекрестка, прямо напротив общежитий Бейкер-холл и пустого, ледяного участка земли, где нашли Тару. С этого ракурса в том, как все выглядело, было что-то знакомое: две улицы, колы, воткнутые в землю там, где умерла или была брошена Тара. Может, зрелище кажется иным только потому, что сейчас она смотрит на него при дневном свете и вокруг нет толпы? Ложное дежа-вю? А может, с ней играет шутки остаточный эффект белладонны? В дневниках «Леты» было полно предостережений о том, что ее действие бывает сильным.

Алекс вспомнила, как туфля Хелли, секунду покачавшись на ее большом пальце, со стуком упала на пол квартиры. Лен повернулся к Алекс, с трудом удерживая обмякшее тело Хелли под мышками. Бузила прижимал колени Хелли к своему бедру, они словно танцевали свинг. «Ну же, – сказал Лен. – Открой дверь, Алекс. Выпусти нас».

Выпусти нас.

Она отогнала это воспоминание подальше и взглянула на группу Серых перед спорткомплексом. Сегодня их стало меньше, а их настроение – если у них действительно было настроение – пришло в норму. Но Жених был по-прежнему здесь. Как бы Алекс ни пыталась его игнорировать, взгляд невольно задерживался на этом призраке: брюки со стрелками, начищенные ботинки, красивое лицо, напоминающее актера из какого-нибудь старого кино, большие темные глаза и черные волосы, зачесанные назад со лба мягкой волной. Впечатление портила только большая кровавая оспина огнестрельного ранения на груди.

Он был настоящим привидением, Серым, который мог проходить сквозь слои Покрова. Он мог дать почувствовать свое присутствие, дребезжа лобовыми стеклами и вызывая вой автомобильных сигнализаций на крытой парковке, расположенной там, где когда-то находилась каретная фабрика, принадлежавшая его семье, – и где он убил сначала свою невесту, а потом и себя самого. Это была любимая остановка туристов, отправляющихся в «призрачные» туры по Новой Англии. Алекс отвела от Жениха взгляд, но краем глаза увидела, как он отделяется от группы и направляется к ней.

Пора валить. Ей не хотелось привлекать интерес Серых – особенно тех, которые способны были принимать ощутимую физическую форму. Она повернулась к нему спиной и торопливо пошла к центру кампуса.

По возвращении в Вандербильт она в полной мере ощутила на своей шкуре отходняк и чувствовала себя настолько слабой и изможденной, словно целую неделю проболела самым тяжелым гриппом в жизни. Отчет Сэндоу мог подождать. К тому же, ей было особо нечего сказать. Она поспит. Возможно, ей приснится лето. Она по-прежнему слышала исходящий от своих пальцев аромат мяты.

Закрыв глаза, она увидела лицо Хелли, ее бледные, выгоревшие на солнце брови, рвоту, засохшую у нее на губе. И все по вине Тары Хатчинс. Блондинки всегда напоминали Алекс о Хелли. Но почему место преступления выглядело таким знакомым? Что она увидела в этом сиротливом куске мертвой земли, огибаемом машинами?

Ничего. Она слишком поздно ложилась спать, слишком часто ощущала, что Дарлингтон шепчет ей на ухо. Тара вовсе не походила на Хелли. Она была плагиатом, дешевой подделкой.

«Нет», – сказал голос в ее голове. Говорила Хелли. Она стояла на скейтборде и, безупречно удерживая баланс, раскачивалась из стороны в сторону на своих широких стопах. Кожа ее была пепельной, на лифчике от бикини виднелись засохшие кусочки еды. *Она – это я. Она – это ты, не получившая второй шанс.*

Алекс боролась с сонливостью. В комнате было темно, в единственное узкое окно свет почти не проникал.

Хелли давно нет, как нет и людей, которые ей навредили. Но кто-то навредил и Таре Хатчинс. Кто-то, оставшийся безнаказанным. Пока.

Предоставь это детективу Тернеру, говорила ей воительница – частичка ее собственной души. *Спи спокойно. Забудь об этом. Сосредоточься на оценках. Подумай о лете.*

Алекс видела мост, построенный Бельбалм. Оставалось лишь его перейти.

Она потянулась в комод за каплями белладонны. Еще один день. Хотя бы день она может подарить Таре Хатчинс, прежде чем похоронить ее навсегда и зажить дальше. Так же, как она похоронила Хелли.

> «Аврелиан», дом мнимых царей-философов, великих объединителей. «Аврелиан» был основан, чтобы поддержать идеалы лидерства и, предположительно, объединить в себе лучшее в обществах. Аврелианцы считали себя чем-то вроде новой «Леты», собирали руководящий совет из членов всех остальных обществ. Долго это не продлилось. Оживленные дебаты сменились бурными спорами, были завербованы новые члены, и вскоре «Аврелиан» стал столь же клановым, как и другие Дома Покрова. В конечном счете их магии присуща фундаментальная практичность, лучше всего подходящая работающим профессионалам, – скорее ремесло, чем призвание. Это превратило их в посмешище со стороны тех, кто обладал более тонким вкусом, но, когда «Аврелиану» отказали в доступе к их собственной «гробнице», и он остался без постоянного адреса, аврелианцам удалось выжить в обстоятельствах, в которых другие Дома терпели фиаско, – они занимались наемным трудом.
>
> *Из «Жизни «Леты»: процедуры и протоколы Девятого Дома»*

> У них попросту нет никакого стиля. Да, изредка они отрыгивают какого-нибудь сенатора или посредственного писателя, но ночи «Аврелиана» всегда немного похожи на чтение протокола какого-нибудь пикантного судебного заседания. Начинаешь читать в предвкушении, а на второй странице понимаешь, что в этой куче слов не так уж много драмы.
>
> *Дневник Мишель Аламеддин времен «Леты» (Колледж Хоппер)*

6

Прошлая осень

Он вводил ее в курс дела понемногу, начав с «Аврелиана». Дарлингтон посчитал, что большая магия может подождать, и понял, что принял верное решение, когда спустился на первый этаж Il Bastone и увидел, как Алекс сидит на краю бархатной подушки, взволнованно грызя ноготь. Доуз, казалось, ничего не замечала. На ней были шумоподавляющие наушники, и все ее внимание было сосредоточено на «Справочнике по линейному письму Б»[10].

– Готова? – спросил Дарлингтон.

Алекс встала и вытерла ладони о джинсы. Он заставил ее перебрать запасы оберегов в их сумках и с удовольствием отметил, что она ничего не забыла. Наконец они сняли свои пальто с вешалок в прихожей.

– Доброй ночи, Доуз, – сказал он. – Мы не допоздна.

Та опустила наушники на шею:

– У нас есть сэндвичи с яйцом, укропом и копченым лососем.

– Позволь полюбопытствовать?..

– И авголемоно.

– Я бы назвал тебя ангелом, но ты гораздо интереснее.

Доуз прищелкнула языком:

– Вообще-то это не осенний суп.

– Осень только началась, и ничто не придает сил лучше авголемоно.

К тому же после глотка эликсира Хирама согреться бывало непросто.

Доуз улыбнулась и вернулась к своему тексту. Она любила, когда превозносили ее кулинарные способности, почти так же, как когда признавали ее научные достижения.

Когда они шли по Оранж назад к парку Грин и кампусу, воздух казался ему бодряще холодным. Весна приходила в Новую Англию медленно, зато осень наступала в мгновение ока. Только что ты потел в летней хлопковой одежде – а в следующую секунду уже дрожишь под суровым кобальтовым небом.

– Расскажи об «Аврелиане».

Алекс вздохнула:

– Основан в 1910-м. Комнаты были выделены ему в Шеффилд-Стерлинг-Стратфорд-холле…

– Не мучайся. Все называют его ШСС.

– ШСС. Во время реставрации 1932-го.

– Примерно в то же время «Кости» огораживали свой анатомический театр, – добавил Дарлингтон.

– Свой что?

– Узнаешь на своем первом предсказании. Но я подумал, что в нашу с тобой первую вылазку лучше не слишком торопиться.

Мысленно Дарлингтон добавил, что Алекс Стерн будет лучше сделать свои первые шаги среди пылких, щедрых аврелианцев, а не при Костлявых.

– Университет даровал эти комнаты «Аврелиану» в награду за оказанные услуги.

– Какие услуги?

---

[10] «Справочник по линейному письму Б: тексты на микенском греческом языке и их мир». Авторы Ив Дюхоу, Анна Морпурго Дэвис.

– Это ты мне скажи, Стерн.

– Ну, их специализация – логомантия, магия слов. Что-то, связанное с договором?

– Покупка Сакемского леса в 1910 году. Университет собирался приобрести огромный участок земли и хотел позаботиться, чтобы сделку невозможно было оспорить. Эта земля стала Сайенс-Хиллом. Что еще?

– Люди не воспринимают их всерьез.

– Люди?

– «Лета», – поправилась она. – Другие общества. Потому что у них нет настоящей гробницы.

– Но мы не такие, как эти люди, Стерн. Мы не снобы.

– Дарлингтон, ты самый настоящий сноб.

– Ну, разве что другой разновидности. Нас волнуют только два вопроса: плодотворна ли их магия и опасна ли она?

– Ну и как? – спросила Алекс.

– Ответ на оба вопроса – иногда. «Аврелиан» специализируется на нерасторжимых договорах, обязывающих клятвах, рассказах, способных буквально усыпить читателя. В 1989 году некий миллионер впал в кому в каюте своей яхты. Рядом с ним нашли книгу «Бог и человек в Йеле», и, если бы кто-то потрудился туда заглянуть, то нашел бы вступление, которого не существует ни в одном другом издании, – вступление, составленное «Аврелианом». Возможно, тебе также будет интересно узнать, что последними словами Уинстона Черчилля были: «Мне все это наскучило».

– То есть, по-твоему, Уинстона Черчилля убил «Аврелиан»?

– Это всего лишь гипотеза. Но я могу подтвердить, что половина мертвецов с кладбища на Гров-стрит остается в могилах только потому, что надписи на их могильных камнях составлены членами «Аврелиана».

– По-моему, вполне плодотворно.

– То была старая магия. Тогда они еще владели собственной гробницей. «Аврелиан» вышибли из их комнат, когда провалились переговоры по поводу соглашения с профсоюзом. Их обвинили в том, что они подавали алкоголь несовершеннолетним, но на самом деле Йель считал, что «Аврелиан» запорол изначальные договоры. Они потеряли комнату 405, и с тех пор качество их работы оставалось сомнительным. В наше время они по большей части изредка занимаются соглашениями о неразглашении и чарами вдохновения. Именно это мы и увидим сегодня ночью.

Они проходили мимо административного отдела Вудбридж-холла и мерцающих золотых ширм «Свитка и ключа». Замочники отменили свой следующий ритуал. «Лете» это работу не облегчало – «Книга и змей» с радостью заняли их время в ночь четверга, но Дарлингтон задавался вопросом, что именно происходит в «Ключе». Ходили слухи о слабеющей магии, о порталах, которые работали неисправно или не открывались вообще. Возможно, все это пустые разговоры: Дома Покрова были скрытными и склонными к соперничеству и мелочным сплетням. Но Дарлингтон собирался воспользоваться этой задержкой, чтобы разобраться в том, с чем, возможно, борются в «Свитке и ключе», прежде чем рисковать своей Данте.

– Если аврелианцы не опасны, зачем нам туда идти? – спросила Алекс.

– Чтобы обеспечить непрерывность процесса. Этот конкретный ритуал обычно привлекает много Серых.

– Почему?

– Из-за всей этой крови.

Алекс замедлила шаг.

– Только не говори мне, что ты слабонервна. Если ты не выносишь крови, то не дотянешь до конца семестра.

Дарлингтон тут же почувствовал себя мудаком. Конечно, Алекс насторожена после того, что пережила в Калифорнии. Эта девушка видела настоящие травмы, а не театр ужасов, к которому так привык он сам.

– Я справлюсь, – сказала она, крепко стиснув обеими руками лямку своего портфеля.

Они вышли на суровое плато Бейнеке-плазы. Окна библиотеки мерцали, как глыбы янтаря.

– Обязательно справишься, – пообещал он. – Это регулируемая среда и простое заклинание. Считай, что сегодня ночью мы всего лишь вышибалы.

– Окей.

Но *выглядела* она вовсе не окей.

Пройдя сквозь крутящиеся двери, они оказались под высокими сводами. Гордон Баншафт задумывал библиотеку как коробку внутри коробки. Позади пустого стола охраны до самого потолка высилась огромная стеклянная стена с полками книг. Это и была настоящая библиотека – стеллажи, бумажно-пергаментное сердце Бейнеке, – а окружающая его внешняя структура служила входом, щитом, ложной кожей. За гигантскими окнами с каждой стороны виднелась пустая плаза.

Недалеко от стола охраны, на изрядном расстоянии от кейсов, в которых выставлялись вращающиеся экспонаты из коллекций библиотеки и в отдельном стеклянном кубе хранилась Библия Гутенберга, был установлен длинный стол. Библия освещалась сверху, и каждый день сотрудники переворачивали по одной ее странице. Господи, как Дарлингтон любил это место.

Аврелианцы, уже переодевшиеся в мантии цвета слоновой кости, топтались вокруг стола, нервно переговариваясь. Одного этого беспокойства, скорее всего, было достаточно, чтобы привлечь Серых. Джош Зелински, президент этой делегации, отделился от группы и торопливо подошел их поприветствовать. Дарлингтон знал его по нескольким семинарам по американистике. У Джоша был ирокез, он носил мешковатый комбинезон и много говорил. За ним следовала женщина лет сорока, сегодняшний Император – выпускница, избранная для наблюдения за ритуалом. Дарлингтон помнил ее по прошлогоднему обряду, который «Аврелиан» устраивал, чтобы составить нормативные документы для правления ее кондоминиума.

– Амелия, – сказал он, нащупав в памяти ее имя. – Как приятно видеть вас снова.

Она улыбнулась и взглянула на Алекс:

– Это новая ты?

О том же спрашивали Мишель Аламеддин, когда он сопровождал ее на первом курсе.

– Познакомьтесь с нашей новой Данте. Алекс из Лос-Анджелеса.

– Мило, – сказал Зелински. – Знаешь каких-нибудь кинозвезд?

– Я как-то голой плавала в бассейне у Оливера Стоуна – это считается?

– Он там тоже был?

– Нет.

На лице Зелински отразилось искреннее разочарование.

– Мы начинаем в полночь, – сказала Амелия.

У них оставалось полно времени, чтобы провести периметр вокруг ритуального стола.

– В ходе этого обряда мы не можем совершенно отгородиться от Серых, – объяснял Дарлингтон, делая вместе с Алекс широкий круг вокруг стола и выбирая, где провести границу. – Магия требует, чтобы пути сквозь Покров оставались открытыми. А теперь опиши мне первые шаги.

Он задал ей прочесть несколько отрывков из «Заклинаний Фаулера» и короткий трактат о магии порталов, восходящий к периоду становления «Свитка и ключа».

– Костяная пыль, кладбищенская земля или любое другое memento mori для формирования круга.

– Хорошо, – сказал Дарлингтон. – Сегодня будем пользоваться вот этим, – он протянул ей мелок из спрессованного пепла из крематория. – Так мы сможем делать пометки более аккуратно. С каждой стороны света оставим по открытому пути.

– А потом что?

– Затем займемся дверьми. Серые могут нарушить ритуал, а нам не нужно, чтобы такая магия вырвалась на свободу. Магия должна находить применение. Когда начнется этот конкретный обряд, она возжаждет крови, и, если заклинание отделится от стола, оно может буквально разрубить пополам какого-нибудь милого студента юрфака, занятого зубрежкой в квартале отсюда. Таким образом, в мире станет на одного законника меньше, но, говорят, что шутки о юристах устарели. Так что, если какой-нибудь Серый попытается прорваться, у тебя есть два варианта: либо посыпь их землей, либо произнеси смертные слова.

Серые ненавидели любые напоминания о смерти и угасании: ламентации, погребальные песни, поэмы о горе или утрате – сработать могла даже особо виртуозная реклама морга.

– Как насчет и того, и другого? – спросила Алекс.

– В этом нет никакой необходимости. Мы не тратим силы понапрасну.

Она не выглядела убежденной. Ее тревога удивила Дарлингтона. Возможно, Алекс Стерн и была испорчена и необразована, но до сих пор она проявляла немалое мужество – по крайней мере, когда речь не шла о мотыльках. Где же та сталь, блеск которой он мельком заметил? И почему ее страх так сильно его разочаровал?

Когда они уже заканчивали делать отметки, чтобы замкнуть круг, через турникет прошел молодой человек в шарфе, из-под которого виднелись одни его глаза.

– Почетный гость, – пробормотал Дарлингтон.

– Кто он?

– Зеб Йерроумэн, вундеркинд. Или бывший вундеркинд. Не сомневаюсь, что у немцев есть название для дарований, которые вышли из возраста enfant terrible[11].

– Тебе ли не знать, Дарлингтон.

– Как жестоко, Стерн. У меня еще есть время. На первом курсе в Йеле Зеб Йерроумэн написал роман, опубликовал его еще до выпускного и был любимчиком нью-йоркского литературного сообщества несколько лет подряд.

– И как книжка, хорошая?

– Неплохая, – сказал Дарлингтон. – Неудовлетворенность, безумие, ранняя любовь, обычный роман воспитания, а происходило все, когда Зеб работал на разоряющейся молочной ферме своего дяди. Но его слог впечатлял.

– Так он здесь, чтобы кого-то наставлять?

– Он здесь, потому что «Королек» вышел почти восемь лет назад, и с тех пор Зеб Йерроумэн не написал ни слова, – Дарлингтон заметил, что Зелински подает знак Императору. – Пора начинать.

Аврелианцы встали в два ровных ряда лицом друг к другу по обе стороны длинного стола. На них были длинные балахоны, похожие на мантии хористов. Их длинные заостренные рукава касались столешницы. На одном конце стола стоял Джош Зелински, на другом – Император. Оба надели белые перчатки, какими листают древние манускрипты, и развернули по всей длине стола какой-то свиток.

– Пергамент, – сказал Дарлингтон. – Сделан из козьей кожи и вымочен в бузине. Дар музе. Но это не все, чего она требует. Пошли, – он отвел Алекс назад к первым отметкам, которые они начертили. – Будешь присматривать за южными и восточными воротами. Не вставай между отметками без необходимости. Если увидишь, что приближается Серый, просто прегради ему

[11] Enfant terrible (*франц.*) – несносный, избалованный ребенок.

дорогу и воспользуйся кладбищенской землей или произнеси смертные слова. Я буду следить за севером и западом.

– Как? – ее голос звучал нервно и агрессивно. – Ты же их даже не видишь.

Дарлингтон достал из кармана пузырек с эликсиром. Дальше оттягивать было нельзя. Он сломал восковую печать, откупорил пробку и, не дав себе задуматься о самосохранении, выпил содерджимое.

Он так и не смог привыкнуть к этому – рвотному позыву, горечи, прокатывающейся от заднего неба до самого затылка, – и сомневался, что это когда-либо случится.

– Блядь, – выдохнул Дарлингтон.

Алекс моргнула:

– Кажется, я еще ни разу не слышала, чтобы ты матерился.

Он покрылся гусиной кожей и попытался совладать с дрожью:

– Я с-ставлю ссс-квернословие в од-дин ряд с признаниями в любви. Лучше употреблять их в меру и только от ч-чистого сердца.

– Дарлингтон… твои зубы должны стучать?

Он попытался кивнуть, но, разумеется, и без того уже судорожно кивал.

Принять эликсир было все равно что окунуть голову в Великий Холод или выйти в длинную темную зиму. Или, как когда-то выразилась Мишель, «все равно что тебе в задницу засовывают сосульку».

«Но менее локализированно», – попытался тогда пошутить Дарлингтон. Но ему хотелось потерять сознание от вызывающей содрогания жути. Дело было не во вкусе, не в холоде, не в дрожи. Дело было в ощущении, что ты только что соприкоснулся с чем-то ужасным. В то время ему не удалось дать определение этому чувству, но через несколько месяцев он ехал по шоссе «I-95», когда вылетевший на его полосу трактор разминулся с его машиной разве что на миллиметр. В кровь ему выбросило адреналин, и во рту появился резкий привкус раскрошенного аспирина. Тогда-то он и вспомнил вкус Пули Хирама.

Вот каково это всякий раз бывало – и будет, пока очередная доза наконец не попытается его убить, а его печень не станет токсичной. Нельзя постоянно подкрадываться к смерти и макать ножки. Однажды она схватит тебя за лодыжку и попытается затянуть на глубину.

Что ж. Если это случится, «Лета» найдет ему донора печени. Он такой не первый. И не каждому повезло обладать врожденным даром, как Гэлакси Стерн.

Теперь, когда трясучка прошла, мир на мгновение стал молочным – Дарлингтон словно видел золотой блеск Бейнеке сквозь толстую катаракту паутины. То были слои Покрова.

Когда они перед ним раздвинулись, его зрение прояснилось. Привычные колонны Бейнеке, облаченные в мантии члены «Аврелиана», опасливое выражение лица Алекс снова обрели свой обычный вид – только вот он увидел старика в твидовой куртке, который сначала парил в воздухе у кейса с Библией Гутенберга, а потом подлетел поближе к коллекции реликвий Джеймса Болдуина, чтобы получше их разглядеть.

– Я думаю… Я думаю, это… – он удержался, чтобы не назвать Фредерика Прокоша по имени. Имена устанавливают близость и могут создать связь с мертвецом. – Он написал свой когда-то знаменитый роман «Азиаты» за столом в библиотеке Стерлинга. Интересно, не является ли его фанатом Зеб.

Прокош утверждал, что непостижим, что остается загадкой даже для ближайших друзей. И все же вот он, слоняется по библиотеке колледжа в загробной жизни. Возможно, оно и к лучшему, что эликсир так дорог и отвратителен на вкус. Иначе Дарлингтон бы пил его каждый день, только чтобы мельком увидеть нечто подобное. Но сейчас пора было браться за работу.

– Стерн, отправь его восвояси. Но не встречайся с ним взглядом.

Алекс поворочала плечами, как выходящий на ринг боксер, и, отводя глаза, подошла к Прокошу. Она залезла в свою сумку и достала пузырек с кладбищенской землей.

– Чего ты ждешь?

– Не могу снять крышку.

Прокош поднял взгляд от стеклянного кейса и поплыл к Алекс.

– Тогда скажи *слова,* Стерн.

Продолжая возиться с крышкой, Алекс шагнула назад.

– Он не может тебе навредить, – сказал Дарлингтон, вставая между Прокошем и входом в круг. Ритуал еще не начался, но лучше было бы обойтись без накладок. Дарлингтону не слишком улыбалось рассеивать этого Серого лично. Он и без того слишком много знал об этом призраке: если он изгонит его обратно за Покров, может невольно создать между ними связь.

– Ну же, Стерн.

Алекс зажмурилась и закричала:

– *Не робей! Никто не бессмертен!*

Прокош беспокойно вздрогнул, вскинул руку, словно чтобы отмахнуться от Алекс и метнулся прочь сквозь стеклянные стены библиотеки. По сути, смертные слова могли быть какими угодно. Главное, чтобы в них упоминалось о том, чего Серые боялись больше всего, – о необратимости кончины, о жизни без наследия, о пустоте загробного мира. Дарлингтон научил Алекс некоторым словам из тех, что было проще всего запомнить, – с орфических пластин, найденных в Фессалии.

– Видишь? – сказал он. – Все просто, – он покосился на аврелианцев: кое-кто из них хихикал над пылким восклицанием Алекс. – Хотя кричать было не обязательно.

Но Алекс, казалось, было все равно, что она привлекла к себе внимание. Она сияющими глазами глядела туда, где всего несколько секунд назад находился Прокош.

– Просто! – сказала она и, нахмурившись, посмотрела на пузырек с землей в своей руке. – Так просто.

– Стерн, ты могла бы побахвалиться хоть немножко. Не лишай меня радости поставить тебя на место, – когда она не ответила, Дарлингтон произнес: – Пошли, они готовы начинать.

Зеб Йерроумэн стоял во главе стола. Он снял рубашку, обнажившись до пояса: бледная кожа, узкая грудь, руки напряженно прижаты к бокам, как сложенные крылья. За последние три года Дарлингтон видел во главе этого стола множество мужчин и женщин. Некоторые из них были членами «Аврелиана». Другие просто заплатили высокую цену, требуемую фондом общества. Они приходили, чтобы сказать свое слово, выставить свои требования, надеясь увидеть нечто особенное. Нужды их были разнообразны, и «Аврелиан» менял место проведения ритуала в зависимости от их потребностей: надежные брачные договоры составлялись в холле юридического колледжа. Подлоги обнаруживались под бдительным оком бедного, обманутого «Цицерона, открывающего могилу Архимеда» Бенджамина Уэста в университетской художественной галерее. Сделки, связанные с землей и недвижимостью, заключались высоко на Ист-Роке с видом на мерцающий далеко внизу город. Может, магия «Аврелиана» и слабее, чем у других обществ, зато более подвижна и практична.

Сегодняшние песнопения начались по-латински – убаюкивающие, ласковые чтения заполняли Бейнеке и воспаряли вверх, вверх, мимо заключенных в стеклянные кейсы полок в центре библиотеки. Дарлингтон слушал вполуха, обводя взглядом периметр круга и одним глазом присматривая за Алекс. Он пришел к выводу, что ее напряжение – хороший знак. По крайней мере, ей важно не напортачить.

Песнопения зазвучали на разговорном итальянском, переходя от античного к современному. Громче всех звенел умоляющий, отдающийся от камня голос Зеба, и Дарлингтон ощущал его отчаяние. Он не мог не быть в отчаянии, учитывая, что должно было произойти дальше.

Зеб вытянул руки. Аврелианцы справа и слева от него вскинули ножи и, не переставая скандировать, сделали два длинных надреза от запястий Зеба до его предплечий.

Поначалу кровь текла медленно, выступая на поверхность красными щелями, будто открывающиеся глаза.

Зеб положил ладони на край лежащей перед ним бумаги, и его кровь полилась на бумагу. Бумага словно вошла во вкус: кровь потекла быстрее, поток крался все дальше по свитку, а Зеб продолжал скандировать по-итальянски.

Как и ожидал Дарлингтон, сквозь стены начали просачиваться влекомые кровью и надеждой Серые.

Когда кровь наконец достигла конца пергамента, каждый аврелианец опустил рукава, касаясь ими промокшей бумаги. Кровь Зеба словно карабкалась вверх по ткани, скандирование становилось все громче – теперь не на одном языке, а на всех; слова заимствовались из книг вокруг них и над ними, находящихся в кондиционированных хранилищах под ними. Тысячи и тысячи томов. Мемуары и детские сказки, открытки и меню, поэзия и дневники путешествий, мягкий, округлый итальянский, пронизываемый колючими звуками английского, тарахтением немецкого, шелестящими нитями кантонского.

Все как один, аврелианцы резко опустили руки на пропитанный кровью пергамент. Хлопок расколол воздух, как гром, и от их ладоней расползлась чернота, новый поток: кровь превратилась в чернила и потекла обратно по столу, сочась по бумаге к ладоням Зеба. Когда чернила вошли в него, запетляли вверх по его рукам каракулями, строка за строкой, слово за словом – палимпсест, чернящий его кожу, медленно, путаным курсивом подползающий к его локтям – он закричал. Он плакал, дрожал, вопил от боли – но не отрывал рук от бумаги.

Чернила вскарабкались выше, к его сутулым плечам, расползлись по шее, по груди и одновременно вошли в его голову и сердце.

Это была самая опасная часть ритуала, когда аврелианцы оказывались наиболее уязвимы, а Серые были особенно нетерпеливы. Они еще быстрее проходили сквозь стены и запертые окна, окружали круг, ища подступы, оставленные открытыми Алекс и Дарлингтоном. Их притягивали страстное желание Йерроумэна и железная едкость свежей крови. Какие бы волнения ни терзали Алекс, сейчас она с наслаждением швыряла в Серых горсти кладбищенской земли излишне изощренными движениями, из-за которых напоминала профессионального рестлера, пытающегося завести невидимую толпу. Дарлингтон сосредоточился на собственных сторонах света и принялся осыпать облаками костяной пыли приближающихся Серых, бормоча старые смертные слова, как только кто-то из них пытался проскочить мимо него. Его любимый орфический гимн начинался со слов: «*О дух незрелого плода*»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.